

ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Л. К О Н

**СОВЕТСКАЯ
ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО
ПЕРИОДА**

ДЕТРИЗ
1955

ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ ДЕТГИЗА

Л. КОН

**СОВЕТСКАЯ
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО
ПЕРИОДА
(1921 — 1925)**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1955

Оформление Н. Шишловского

I

В истории развития русской советской литературы для детей годы восстановительного периода являются одним из важнейших этапов.

Именно к этому периоду относится начало становления советской детской литературы, ибо предыдущий период — период гражданской войны — можно рассматривать лишь как предварительный этап, когда уяснялись новые идеологические, педагогические и эстетические требования, предъявляемые к литературе для детей, и намечались ее новые задачи, но полноценных литературных произведений, отвечающих этим требованиям, создано не было.

Качественно новые по форме и содержанию литературные произведения для детей начали появляться лишь в двадцатые годы.

В эти годы отмечается и резкое увеличение количества издаваемых для детей книг. К этому же периоду относится и начало формирования постоянных кадров советских писателей, работающих в области детской литературы.

Словом, и в этой области культурного строительства отмечаются те же крупные сдвиги, которые характерны и для всех других его областей в этот период, когда борьба за повышение культурного уровня населения Советской страны рассматривалась как третий фронт, равный по значимости фронту военному и фронту экономическому.

Окончилась гражданская война.

Открывая X съезд РКП(б), В. И. Ленин говорил:

«...Мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории республики нет»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 143.

Начался переход на рельсы мирного хозяйственного строительства, который был связан с очень большими трудностями, так как страна была разорена четырехлетней империалистической войной и трехлетней войной с интервентами.

Переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства поставил перед партией новые задачи, среди которых одно из важнейших мест занимала задача культурного строительства.

«Экономически и политически *НЭП* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда»¹, — писал В. И. Ленин товарищу Молотову в связи с предстоявшим докладом на XI съезде партии.

Задача восстановления народного хозяйства требовала не только подготовки культурных, грамотных кадров, но и общего повышения культурного уровня народных масс.

Особенно большую роль приобретало воспитание молодого поколения, которому предстояло продолжать и завершить дело, начатое отцами.

Помочь молодежи овладеть знаниями, научить ее применять эти знания в практике социалистического строительства, вооружить ее марксистской теорией, коммунистическим мировоззрением, умением понимать цели и пути борьбы и воспитать ее в духе коммунистической морали — вот какие задачи во весь рост встали перед советской педагогикой в этот период.

А осуществление каждой из этих задач требовало решения целого ряда сложнейших теоретических и практических вопросов.

Необходимо было исключить из школьных программ ту «массу ненужных, лишних, мертвых знаний», о которых говорил В. И. Ленин в своем выступлении на III съезде комсомола, и сохранить все то, что «необходимо для коммунизма», пересмотреть всю систему и методы преподавания; связать теорию с практикой, совместить ученье детей с их общественно-полезной деятельностью.

Принципы коллективизма, интернационализма, атеизма, социалистического отношения к труду, классовой со-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 223—224.

лидарности должны были пронизать всю жизнь детей, лечь в основу всего их поведения.

Необходим был не только пересмотр школьных программ и методов преподавания, но и коренная перестройка всего учебно-воспитательного процесса, всей организации школьной и внешкольной жизни детей.

Именно под знаком этой громадной теоретической и практической созидательной работы проходит в эти годы деятельность органов просвещения. Огромную роль в этой работе сыграли комсомол и созданная в 1922 году пионерская организация.

Эта грандиозная созидательная работа в условиях ожесточенной классовой борьбы с поднявшей голову буржуазией, разумеется, наталкивалась на яростное сопротивление врагов всех мастей, изменивших в это время свою тактику и пытавшихся использовать все легальные возможности, чтобы доказать, что «просвещение — выше политики, должно быть свободно от ее колеблющейся и пристрастной партийности»¹.

Эта проповедь находила отклик среди части учительства.

Н. К. Крупская в статье, посвященной десятилетию журнала «На путях к новой школе», рассказывает о том, какую борьбу приходилось вести научно-педагогической секции ГУСа с учителями-биологами, которые «стояли за чистую науку», не хотели связывать ее с антирелигиозной пропагандой, с сельским хозяйством и на съезде по естественно-историческому образованию, ссылаясь на отсутствие подготовленных специалистов, вынесли решение не вводить в школьный курс естествознания теорию эволюции².

Это же стремление затушевать классовую социалистическую сущность советской школы проявлялось в попытках свести политехнизм к обучению ремеслу, а то и просто к самообслуживанию, ввести раннюю профессионализацию.

В то же время партии приходилось вести борьбу с возродившейся «теорией» свободного воспитания, сторонники которой, прикрываясь «левой» фразой, протаскивали в со-

¹ Журн. «Педагогическая мысль», П., 1921, № 1—4, стр. 5.

² Журн. «На путях к новой школе», 1932, № 8.

ветскую педагогику идеи американского прагматизма, в частности теории Дьюи.

Влияние идей этого «теоретика», отрицавшего необходимость давать школьнику определенный круг знаний, отвергавшего надобность классных уроков, сводившего на нет роль учителя и ставившего во главу угла «воспитывающую среду» и опыт самого ребенка, явно сказалось, в частности, на комплексных школьных программах 1923 года, составлением которых руководил горячий приверженец этих идей П. Блонский.

От мелкобуржуазной теории свободного воспитания, одобренной идеями американского прагматизма, вели свой род и пресловутая антиленинская «теория» отмирания школы и многие перегибы в педагогике, вытекавшие из вульгаризаторского, упрощенного толкования марксизма и отрицания всякой преемственности традиций.

Партии и возглавляемым ею советским педагогам на всем протяжении восстановительного периода приходилось вести тяжелую борьбу как с явными оппортунистами и реакционерами, так и с вульгаризаторами марксизма в советской педагогике.

Но ни противодействие врагов, ни ошибки и перегибы вульгаризаторского толка не могли остановить процесс подъема культурного уровня масс и строительства новой школы, а лишь затрудняли и замедляли его. К концу восстановительного периода советская педагогика пришла со значительными успехами.

С 1922/23 учебного года в стране начинается неуклонный, хотя и медленный, рост сети школ и количества учащихся.

К 1925 году число учащихся уже превысило довоенный уровень, причем особенно возросло количество учащихся старших классов. И партия уже сочла возможным и необходимым поставить вопрос *о подготовке условий для всеобщего начального обучения.*

31 августа 1925 года было принято постановление ВЦИК и СНК «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети», предусматривающее окончательное введение его к 1934 году.

Несмотря на ошибочность комплексного построения программы, качество обучения резко изменилось к лучшему. Школа повернулась лицом к жизни и, выполняя ленинский завет, стала связывать обучение с практической

деятельностью. На смену словесному обучению, методу преподнесения готовых знаний, пришли новые методы преподавания, активизирующие детей, будящие их любознательность, инициативу, творческую мысль.

Активно развернулась и работа по интернациональному, трудовому и антирелигиозному воспитанию, большую роль в которой играла пионерская организация.

В воспитательной работе было проявлено много творческой инициативы, найдены интересные новые методы.

В области политехнического образования и трудового воспитания тоже наметился сдвиг: вместо ограничения трудовой деятельности детей самообслуживанием стали практиковаться экскурсии детей на крупные предприятия для ознакомления с современной техникой и основами производств. Широко стала практиковаться работа в школьных мастерских и на пришкольных земельных участках.

И в обучении и в воспитательной работе еще имели место и ошибки и перегибы, но в развитии советской школы для всего периода восстановления народного хозяйства характерна успешная борьба советского учительства под руководством партии за повышение качества работы школы, за освоение новых методов преподавания, за проведение в жизнь принципов коммунистического воспитания.

Среди советского учительства к концу восстановительного периода произошел «несомненный перелом в сторону советской власти и РКП»¹. Этот перелом нашел яркое выражение в принятой в 1925 году Всесоюзным учительским съездом декларации, в которой советское учительство перед лицом трудящихся заявило, что оно «отныне не отделяет своих задач от задач Коммунистической партии, от ее великой борьбы за новый мир»².

В решении огромных воспитательных задач плечом к плечу с педагогикой должна была идти и детская литература, действуя в одном с ней направлении, борясь за те же цели методами искусства.

Развитию искусства и, в частности, литературы как мощного орудия воспитания масс партия в этот период уделяет особое внимание.

¹ Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании. Изд. АПН, 1947, вып. 2, стр. 178.

² Журн. «Народный учитель», 1924, № 11.

Горький в статье «О действительности» несколькими годами позже писал:

«Дело наших литераторов — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличению заразительности ее пороков. Их задача — изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность»¹.

Стремление разрешить именно эту задачу является одной из характерных черт советской литературы начала 20-х годов, отличающей ее от литературы предыдущего периода, где это стремление встречалось лишь у отдельных писателей.

В литературу пришли молодые писатели, люди, вернувшиеся с фронтов гражданской войны, для которых перо было лишь новым оружием борьбы за дело коммунизма. У них было о чем рассказать советскому читателю, и они жаждали поделиться с ним своими впечатлениями, мыслями, чувствами. Они писали не для кучки избранных, а для широких народных масс, представителями которых они являлись. Они глядели не назад, а вперед, умели видеть среди развалин старого мира пробивавшиеся ростки нового. Они принесли в литературу свой патриотизм, свой энтузиазм, свою волю к борьбе и веру в победу.

Старые писатели тоже к этому времени уже в большинстве поняли действительный смысл совершающегося великого переворота.

От критики разрушенного старого мира писатели переходят к отображению явлений советской действительности.

В советской литературе появляются повести, романы, пьесы, песни, стихи, баллады, поэмы о Великой Октябрьской революции, о гражданской войне и первые произведения о героическом созидательном труде советских людей («Чапаев» и «Мятеж» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Цемент» Ф. Gladкова и др.).

В изображении явлений советской действительности начинают проявляться черты, присущие литературе социалистического реализма: конкретность, многогранность и правдивость, умение видеть и показать тенденцию революционного развития, выявить характерные черты исторической эпохи.

¹ М. Горький о литературе. М., Гослитиздат, 1937, стр. 343.

Центральное место в литературе занимает новый, советский человек, борец за коммунизм, большевик.

В этот период все сильнее вырисовывается и еще одна основная черта литературы социалистического реализма — активное вмешательство ее в жизнь.

В советской поэзии наряду с темой гражданской войны (поэмы Н. Асеева, песни А. Безыменского, А. Жарова, И. Уткина, М. Светлова, М. Исаковского, баллады Н. Тихонова) все большее место начинает занимать тема социалистического строительства, героических будней.

В стихах и песнях этого периода абстрактный символизм и патетическая декларативность, свойственные стихам поэтов Пролеткульта и «Кузницы», сменяются конкретным отображением реальной действительности, подлинным лиризмом и героическим пафосом, стремлением непосредственно служить повседневным нуждам строительства, выраженным Маяковским в призыве:

Сильнейшими
узами
музу ввяжите,
как лошадь, —
в воз повседневности.

Это стремление с большой яркостью выражается и в творчестве Д. Бедного, который своей сатирой разоблачает врагов, начиная от нэпманов и спекулянтов до лидеров международного империализма, и воспекает ростки нового, героические будни строительства.

В период восстановления народного хозяйства художественная литература Советской России выросла в крупную общественную силу, и эта сила стала активным фактором борьбы за построение социализма.

Но процесс развития советской литературы отнюдь не протекал спокойно и безболезненно.

Низвергнутые классы не теряли надежды на свое возрождение и реванш. С введением новой экономической политики эти надежды усилились. Мелкобуржуазная стихия, ожившая и активизировавшаяся в связи с нэпом, используя открывшиеся легальные возможности, стремилась проникнуть во все области жизни.

«Антисоветские партии и течения, — говорилось в резолюции XII партийной конференции, — систематически пытаются превратить сельскохозяйственную кооперацию в

орудие кулацкой контрреволюции, кафедру высших учебных заведений — в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство — в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.»¹.

Такие же попытки врагов использовать все легальные возможности для своих враждебных строительству социализма целей отмечаются и в области литературы.

Выступать открыто классовый враг и здесь не решался и вел свою борьбу против растущей советской литературы, против ее партийности и активного вмешательства в жизнь, оперируя всевозможными путанными теориями и туманными формулами, иногда маскируясь лозунгами высоких общечеловеческих идеалов, иногда заслоняясь фразами о «нейтральности» искусства, о его «надклассовости» и полной независимости от всякой политики, а иногда и скрываясь под маской ультрарадикализма и сугубого новаторства.

Огромное количество самых разнообразных группировок, громогласно возвещавших о своем возникновении, сражались между собой на страницах многочисленных, но весьма малотиражных органов и довольно быстро, незаметно исчезали.

Часто под флагом борьбы за совершенство литературной формы велась травля лучших советских писателей.

К этому же времени относится и выход сборника «Смена вех», выпущенного в Праге группой белоэмигрантов, воспринявших нэп как возвращение к капитализму — неизбежное, хотя и «неосознанное большевиками», которые «все еще думают, что строят социалистическое государство». Сменовеховцы выражали, как сказал о них Ленин, «настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики»². В Советском Союзе в годы нэпа выходило несколько сменовеховских журналов.

Враждебные советскому строю писатели в своих произведениях изображали большевиков как обезличенных коллективизмом людей, не способных что бы то ни было создать. Находили свое отражение в литературе и капитулянтские тенденции правых оппортунистов, рас-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 671.

² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 257.

смастривавших нэп как конец борьбы, и упадочные настроения: сожаление об ушедшем в прошлое героическом периоде гражданской войны и противопоставление его «скучным будням нэпа».

С другой стороны, пролетарские литературные группы, на которые партия опиралась в своей борьбе на литературном фронте, не всегда в достаточной мере понимали пути развития советской литературы, тоже часто проповедовали всевозможные ошибочные теории.

Образовавшаяся в это время вокруг журнала «На посту» группа пролетарских писателей (ядро будущего РАПП), объявившая борьбу буржуазным влияниям, грешила сектантской замкнутостью, высокомерным отношением к писателям непролетарского происхождения, пролеткультовским нигилизмом в отношении культурного наследства, недооценкой значения художественной формы.

Эти ошибочные, вульгаризаторские взгляды, противоречившие установкам партии и тормозившие развитие советской литературы, усиленно насаждались и культивировались врагами, которые, пробравшись к руководству этой организации, стремились оттолкнуть от советской литературы всех «непролетарских» писателей, третируя их как врагов, а в лучшем случае — как попутчиков революции.

Вот почему партийные съезды, которые в этот период происходили ежегодно, уделяли чрезвычайно много внимания вопросам печати и литературы, в специальных резолюциях определяя как общее направление ее развития, так и конкретные текущие задачи.

При этом особо подчеркивалась роль литературы в борьбе против чуждых влияний на молодежь.

В резолюции XI съезда партии о печати и пропаганде говорится: «Съезд признает чрезвычайно необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс»¹.

Резолюция XII съезда партии по вопросам пропаганды, печати и агитации, констатируя большие успехи советской литературы, указывает:

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 645.

«Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей практической работе вопрос о руководстве этой формой общественного воздействия на очередь дня»¹.

XIII съезд партии в своей резолюции «О печати» дает ряд важнейших руководящих указаний в области художественной литературы, предлагает ряд мер, направленных к изживанию вульгаризаторских извращений партийной линии, намечает пути расширения писательских кадров и усиления воспитательной работы с ними.

Подчеркивая классовый и партийный характер советской литературы, эта резолюция была вместе с тем направлена против сектантской обособленности пролетарских писателей, против высокомерного третирования «путчиков» и подмены партийного руководства администрированием.

Опубликованная 18 июня 1925 года резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», в противовес правым капитулянтам и проповедникам всевозможных теорий внеклассовости и «надклассовости» искусства, сугубо подчеркивает классовый характер литературы: «как не прекращается у нас классовая борьба вообще, — говорится в резолюции, — так точно она не прекращается и на литературном фронте. В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства, хотя классовая природа искусства вообще и литературы в частности выражается в формах, бесконечно более разнообразных, чем, например, в политике»².

Резолюция предостерегает от упрощенческого понимания классовой борьбы в литературе, против комчванства, «как самого губительного явления», против «легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследию, а равно и к специалистам художественного слова»³.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., Госполитиздат, 1953, стр. 736.

² Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». В кн. «О партийной и советской печати», М., «Правда», 1954, стр. 343—344.

³ Там же, стр. 345.

Осуждая имевшую иногда место недооценку важности борьбы за гегемонию пролетарских писателей, резолюция указывает, что пролетарские писатели должны заработать себе историческое право на эту гегемонию в процессе свободного соревнования различных группировок и течений, и предлагает «искоренять попытки... некомпетентного административного вмешательства в литературные дела»¹.

Резолюция указывает, что критика, опирающаяся на свое идейное превосходство, является одним из главных воспитательных орудий в руках партии.

«Ни на минуту не сдавая позиции коммунизма, не отступая ни на иоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл различных литературных произведений, коммунистическая критика должна беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т. д. и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним»².

Таков был намеченный партией путь создания советской литературы, новой по содержанию.

По вопросу же о форме в резолюции подчеркнуто, что «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области *литературной формы*»³. Констатируя, что «стиль, соответствующий эпохе, будет создан, но он будет создан другими методами, и решение этого вопроса еще не намечилось», ЦК РКП(б) в то же время со всей категоричностью выдвигает единственное требование к форме литературных произведений — ленинское требование доступности литературы широким массам. Резолюция требует «смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, вырабатывать соответствующую форму, понятную миллионам»⁴.

¹ Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы». В кн. «О партийной и советской печати», М., «Правда», 1954, стр. 347.

² Там же, стр. 346.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 347.

Это требование было направлено против «коверкания» русского языка, которое так резко осудил Ленин в своей заметке «Об очистке русского языка», опубликованной в «Правде» 3 декабря 1924 года, и против всякого рода формалистических вывертов, преподносившихся под флагом новаторства и стремившихся сделать искусство достоянием кучки эстетов, превратить его из могущественного орудия воспитания масс в изящную безделушку.

Таким образом, ЦК партии в этой исторической резолюции, появившейся в момент перехода партии к новому ответственному этапу — борьбе за индустриализацию, — требующему еще более интенсивного подъема культуры народных масс, с предельной четкостью сформулировал требование партии к литературе, ее идейному содержанию и литературной форме, отношение к писательским кадрам; указал основные линии и методы борьбы, нанес удар как по капитулянтам, так и по всевозможным вульгаризаторам и упростиелям марксизма.

Резолюция «О политике партии в области художественной литературы» как прожектором осветила пути развития советской литературы и сыграла важнейшую роль в дальнейшем ее становлении.

II

Положение в литературе для детей к началу восстановительного периода было значительно хуже, чем вообще в советской литературе.

Прежде всего, резко сократилось издание книг для детей. В 1921 году во всей Советской стране для детей было издано всего 33 книги.

Это было то же «состояние тягчайшего кризиса», в котором, как констатировал XI съезд РКП(б), находилась в это время вся партийно-советская печать «вследствие отсутствия денежных средств, недостатка и дороговизны бумаги и чрезмерности типографских расходов»¹.

В 1921 и 1922 годах принимается ряд мер по улучшению издания книг для детей и юношества, и с 1922 года отмечается быстрый рост общего количества издаваемых в стране детских книг.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 643.

О темпах этого роста в годы восстановительного периода дает представление следующая таблица:

**КОЛИЧЕСТВО КНИГ, ИЗДАВАЕМЫХ ДЛЯ ДЕТЕЙ
В 1921—1925 ГОДАХ.**

Год издания	Общее количество издаваемых книг	% по отношению к предыдущему году	% по отношению к 1921 году
1921	33	—	100
1922	200	600	600
1923	440	220	1300
1924	558	126	1700
1925	993	178	3000

Важнейшим из мероприятий, обусловивших этот рост, была организация издательства «Молодая гвардия» и создание при Госиздате специального сектора детской литературы.

Оба эти издательства энергично приступили к изданию книг для детей, из года в год увеличивая свою продукцию, причем ГИЗ выпускал книги для детей не только в Москве и Ленинграде, но и в многочисленных отделениях на периферии: в Вологде, Иркутске, Казани, Киеве, Минске, Новониколаевске, Новочеркасске, Новороссийске, Одессе, Омске, Орле, Оренбурге, Ростове-на-Дону, Ташкенте, Харькове. Кроме того, книги для детей начинает издавать и целый ряд таких крупных издательств, как «Новая Москва», ЗИФ, «Московский рабочий», «Работник просвещения» и др.

Детские книги издают в эти годы и губернские отделы народного образования, и пионерские, комсомольские и партийные организации, и добровольные общества, и советские учреждения.

С другой стороны, в связи с новой экономической политикой бурную деятельность развивают частные издательства. Возобновили свою деятельность дореволюционные крупные частные издательства: Сытин, А. Ф. Маркс, Брокгауз и Ефрон. Организуется и множество новых частных издательств, в том числе такие крупные, как «Радуга» и П. Ф. Мириманова.

Но вопрос о детской литературе, разумеется, не решался одним увеличением *количества* издаваемых книг.

Необходимо было добиться, чтобы издаваемые для де-

тей книги способствовали осуществлению задач коммунистического воспитания, удовлетворяли запросы нового детского читателя. Главной задачей рассматриваемого периода было создание новой литературы для детей, откликающейся на темы современности, отображающей явления советской действительности, — литературы, помогающей детям понять, что происходит вокруг, воспитывающей детей в духе коммунизма.

В годы гражданской войны были созданы предпосылки и намечены основные принципиальные линии развития советской литературы для детей, но для них еще не было написано художественных произведений, отображающих советскую действительность.

Теперь предстояло создать такие произведения.

С самого начала восстановительного периода для этой цели предпринимаются энергичные шаги.

По вопросам детской литературы и детского чтения созываются специальные совещания и конференции; эти вопросы ставятся на педагогических съездах, школьных и дошкольных.

Проблемы детской литературы и детского чтения широко обсуждаются на страницах педагогических и литературно-критических журналов, которые регулярно помещают теоретические статьи о детской литературе, обзоры выходящих книг для детей и множество рецензий. Кроме того, издается ряд специальных брошюр по вопросам детского чтения и рекомендательных аннотированных указателей со вступительными статьями.

В 1921 году литературный отдел Наркомпроса объявляет конкурс на художественную детскую литературу всех жанров для дошкольников, школьников и подростков.

В 1921 году при Наркомпросе создается первое в СССР специальное научное учреждение для изучения вопросов детской литературы и психологии ребенка-читателя — Институт детского чтения. Этот институт разворачивает широкую деятельность по пропаганде детской книги и изучению читательских интересов детей. Начиная с 1922 года Институт ежегодно выпускает бюллетень «Новые детские книги», где, кроме аннотированного указателя вновь вышедших книг для детей и рецензий на них, публикуются записи детских впечатлений и отзывов о книгах.

Это была первая попытка создать для советской детской литературы научно-педагогическую основу. Изучение

интересов, вкусов, запросов советского ребенка-читателя должно было помочь наметить пути развития новой литературы для детей, наиболее успешно способствующей осуществлению задач коммунистического воспитания.

Но осуществление этой сложной задачи было не под силу работникам института, людям квалифицированным, прекрасно знавшим старую детскую литературу и прежнего детского читателя, любившим и детей и книгу, но лишь весьма туманно представлявшим себе новые цели воспитания.

Это помешало им обобщить собранный ими богатый материал и сделать на основании его правильные теоретические выводы.

Но привлечение к вопросам детской литературы внимания литературной и педагогической общественности и широких слоев населения должно было поднять эти вопросы на большую принципиальную высоту, помочь писателям и педагогам уяснить новые требования, стимулировать приток в детскую литературу новых кадров и создание для детей произведений, отвечающих задачам коммунистического воспитания.

О большом внимании партии к детской литературе в исследуемый период свидетельствует и тот факт, что о ней постоянно особо упоминается в резолюциях партийных съездов и постановлениях партийных органов.

В резолюции XI съезда РКП(б) о печати и пропаганде, цитату из которой мы приводили выше, говорится о необходимости создания литературы, которая могла бы противостоять чуждым влияниям на юношество и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс.

В принятом 6 февраля 1924 года постановлении ЦК РКП(б) «О важнейших очередных задачах в области печати» мы находим указания: «Принять меры к созданию советской детской литературы»¹. Наконец, в резолюции XIII съезда партии о печати говорится:

«Необходимо приступить к созданию литературы для детей под тщательным контролем и руководством партии, с целью усиления в этой литературе моментов классового интернационального трудового воспитания. В частности, развернуть дело издания пионерской литературы, привле-

¹ «О партийной и советской печати». М., «Правда», 1954, стр. 294.

кая к этой работе в помощь комсомолу партийные, профессиональные и советские организации»¹.

Вместе с тем, эти указания партии говорят о том, что детская литература была в этот период отстающим участком.

Если в отношении всей советской литературы XII съезд РКП(б) мог констатировать, что она «выросла в крупную общественную силу»², то приведенная выше формулировка из постановления ЦК РКП(б) от 6 февраля 1924 года говорит о том, что спустя почти год после XII съезда детскую литературу партия рассматривала как находящуюся в самом зачаточном состоянии.

Цитированная выше резолюция XIII съезда партии, указывая на необходимость приступить к созданию литературы для детей, уже конкретизирует ее воспитательные задачи и подчеркивает важность тщательного партийного контроля и руководства в области детской литературы.

Необходимость этого партийного контроля и руководства особенно остро ощущалась в рассматриваемый нами период в связи с обострением классовой борьбы и на этом участке фронта культурного строительства.

В борьбе за создание новой детской литературы партия все время наталкивалась на сопротивление врага, проявлявшееся в самых разнообразных формах. Здесь и попытки под видом невинных сказочек для малышей протасовать чуждую, враждебную идеологию, и стремление под флагом защиты «чистого искусства» отстоять право детской литературы на бессодержательность и безидейность, и всевозможные, заимствованные с Запада, педагогические «теории», якобы отстаивавшие вечные и непреложные «законы детства», а на деле проповедовавшие ненужность и невозможность создания качественно новой литературы для детей; и наряду с этим — ультралиберальный подход к детской литературе, в котором пролеткультовское упрощенчество и коммюнизм усугублялось вульгаризацией марксизма в педагогике и лженаучными педологическими «теориями».

Все эти течения находили отражение в издательской практике.

В первые годы исследуемого периода имели место яв-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, М., Госполитиздат, 1953, стр. 867.

² Там же, стр. 736.

ные попытки полной реставрации старой детской литературы.

В большом количестве печатаются стихи декадентов, особенно символистов.

Чрезвычайно характерен в этом отношении «Сборник стихов новейших поэтов» — «Палочка-выручалочка», изданный в 1921 году.

Если в сборниках стихов для детей периода гражданской войны мы встречали в основном имена Брюсова, Бальмонта, то в «Палочке-выручалочке» помещены также стихи М. Моравской и П. Соловьевой, А. Белого, Ф. Сологуба и даже З. Гиппиус и Игоря Северянина. Это настоящая антология декадентской поэзии.

По содержанию своему ни одно из стихотворений, помещенных в нем, не выходит за пределы того узенького уютного мирка, который традициями поэзии декаданса был отведен детям. Характерно, что такое представление о «новейшей» поэзии для детей целиком разделяет рецензент журнала «Народное просвещение»¹, официального органа Наркомпроса. Он хвалит составителя за «хорошее знакомство с современной русской поэзией», отмечает, что «книжка составлена в общем недурно», и единственный недостаток ее видит в том, что в нее вошли «вирши» Брюсова — «не взрослые, не детские, а никакие». «При небольшом объеме сборника (тридцать одна страница малого размера) это пятно слишком бросается в глаза, — замечает автор рецензии, — а между тем из одних стихотворений Блока, Allegro (П. Соловьевой) и Бальмонта, особенно его «Фейных сказок», примыкающих к стихотворной сказочке Жуковского «Мальчик-с-пальчик», можно бы составить порядочную по объему и восхитительную по существу книгу стихотворений для детей».

Таким образом, мнение, что «новейшие поэты» — это и есть декаденты, подтверждалось авторитетом Наркомпроса, и этим же авторитетом бессодержательные эстетские «Фейные сказки» Бальмонта и бледные, статичные, созерцательные стихи Соловьевой признавались образцом новой детской поэзии. Эта рецензия, помещенная в официальном органе Наркомпроса, показывает, как велико в это время было влияние декадентов в педагогической среде. И неудивительно. Их позиция отказа от воспитатель-

¹ Журн. «Народное просвещение». Еженедельник Народного Комиссариата по просвещению, 25 октября 1921 г., № 87—88, стр. 23.

ного воздействия литературы на детей, их требование аполитичности детской поэзии были чрезвычайно созвучны идеям сторонников «свободного воспитания», еще пользовавшихся в эти годы большим влиянием.

В течение всего восстановительного периода, а особенно в первые годы его, не только издаются старые стихи, рассказы, сказки для детей, отвечающие требованиям «чистого искусства», но многие писатели пытаются, отвернувшись от большой, кипучей жизни, уйти в маленький, уютный комнатный мирок игрушек и зверушек, предаться мирному созерцанию красот природы, умильному любованию невинными радостями «золотого детства» и писать для детей так, как будто в мире ничего не произошло.

«Героем» детских книг вновь становится умильно-шаловливый котенок в нарядной курточке. Иногда этого котенка заменяет щенок или зайчик, медвежонок или обезьянка. Иногда он даже совсем сбрасывает зверушечью маску и превращается просто в столь же умильного мальчика или девочку, но от этого, в сущности, ничто не меняется, так как этот герой все равно живет и шалит (ибо забавные шалости — основной вид его деятельности) в мире, одинаково далеком от старого и от нового, просто в «никаком» мире, не имеющем отношения ни к какой действительности. Иногда этот герой садится на игрушечный аэроплан и пускается (во сне или наяву) в путешествие по дальним странам, но и тут ничто, в сущности, не меняется. Рядом с беленьким появляются такие же умильные желтенькие, красненькие и черненькие игрушечные детки — только и всего. Игрушечные мальчики, путешествующие на игрушечных самолетах, не могут видеть настоящий мир.

Иногда в звериных масках выступают не дети, а взрослые — мамы и папы веселых котят и медвежаток. Мамы — зайчихи, кошки или медведицы — в чепцах и передниках готовят обед, папы торгуют в лавке или занимаются каким-нибудь ремеслом. Зайцы — портные, коты — сапожники или наоборот. Но ни быта, ни труда, ни жизни в этих книгах все равно нет. Центр тяжести в них — это смешной маскарад зверей. Эти звери играют в людей, но не воплощают в себе человеческих типов и характеров, как в баснях или народных сказках.

Издаются и умильные книжечки о ряженных зверушках и милых детках, живущих вне времени и про-

странства, и назидательные рассказы, авторы которых, как в «доброе старое время», видят свою воспитательную задачу исключительно в том, чтобы убедить детей, что надо слушаться старших, хорошо кушать и быть опрятными, что нельзя шалить, мучить животных и т. д., ибо хорошие поступки всегда вознаграждаются, а дурные неизбежно влекут за собой наказание.

Издаются и жалостливые рассказы о бедных детях, детях-тружениках, о горькой доле бедняков, проникнутые духом смирения и непротivления, сентиментальной плаксивости либерального сострадания к «меньшому брату».

Вот как характеризует один из таких рассказов А. Г. Кравченко в статье «Нашим детям не надо таких книг», помещенной в газете «Правда»¹.

«Есть еще рассказ Н. Ландской «Танюша». Деревенская девочка попадает в услужение к господам: барыня злая, а барин добрый, «за главного где-то, об народе печалуетсЯ и чтоб счастье ему добыть стараетсЯ». Это не мешает ему пользоваться работой ребенка. Действие, повидимому, происходит в наши дни, потому что и слово «товарищ» употребляется, и про детский клуб говорится. Все кончается хорошо. Танюше дарят ленту в косу, старую юбку, и она, уезжая в деревню, даже плачет о «доброем барине».

Попытки «осовременить» рассказ, написанный о дореволюционной жизни, путем перенесения его действия в советскую эпоху, были типичны для того времени.

Такие попытки чуждых современности авторов приспособиться к обстановке, носили характер клеветнического искажения советской действительности; от этих книг у читателя-ребенка создавалось впечатление, что революция в жизни детей трудящихся ничего не изменила.

В это время чрезвычайно активизировались и «теоретики», защищавшие принципы «чистоты» в детской литературе. От обороны они перешли к нападению. Так, журнал «Педагогическая мысль» (тот самый, где печатались упоминавшиеся выше статьи, направленные против партийности воспитания) счел своевременным выступить против принципа партийности в детской литературе. Это выступление подносилось читателю под видом рецензии на горьковский детский журнал «Северное сияние», выходив-

¹ «Правда», 24 сентября 1924 г., № 217.

ший 1919—1920 годах. Характерно, что «Педагогическая мысль» именно теперь, в 1922 году, сочла нужным заняться детальным разбором недостатков «Северного сияния».

Автор статьи с удовлетворением констатирует, что журнал, «несмотря на то, что выходил он так недавно, уже сильно устарел по содержанию», и как бы ради подтверждения этого положения с иронией цитирует то, что писалось в журнале о завоеванной революцией для детей счастливой жизни и светлом будущем, противопоставляя этой «идиллии» «печальную действительность» нэпа — нетопленые школы, где дети «отмораживают себе руки и ноги», и рассматривая такое положение не как временные трудности, а как банкротство революции.

Затем, резко критикуя печатавшиеся в журнале стихи, посвященные политической тематике, рецензент строит на этом общий вывод о неприемлемости для детской поэзии подобной тематики и о ненужности всяких попыток создать какую-то новую, политически тенденциозную детскую литературу. Заканчивается статья таким выводом: «Так как этот журнал был единственным детским журналом в Советской России за последние годы, то он, несомненно, мог бы привлечь к себе лучшие силы, если бы не столь ярко сказавшееся в нем стремление подменить чистое искусство тенденциозным и даже агитационным»¹.

Вот ради этого вывода и была написана статья. Критикуя журнал, автор ополчается против самого принципа партийности детской литературы.

Не скрывая злорадства по поводу «неудач» тенденциозного и агитационного искусства, автор как бы призывает внять голосу рассудка, отказаться от этого нового принципа, отталкивающего «лучшие силы», вернуться на старый, испытанный путь чистого искусства.

Другие критики этого направления прямо требовали, чтобы детская литература отказалась от показа реальной действительности, от тенденциозности, и выдвигали перед писателями задачу «создать» наконец русскую детскую книгу, независимо от разнообразных, посторонних ей тенденций»². Подобные взгляды имели широкое распространение и сказывались на издательских планах.

В 1921—1923 годах для детей не издавался ни Мая-

¹ Журн. «Педагогическая мысль», 1922, № 1—2, стр. 81—82.

² Новые детские книги. Бюллетень реценз. комиссии Ин-та детского чтения, вып. 2, М., 1923.

ковский, ни произведения комсомольских поэтов, ни Тихонов. Демьян Бедный был представлен лишь переизданием сборника «Читай Фома — набирайся ума», который не был пополнен ни одним из его новых стихотворений. Лишь изредка отдельные стихотворения этих поэтов можно встретить в некоторых альманахах и «чтецах-декламаторах» для школьников. Революционная советская поэзия сколько-нибудь заметно начинает проникать на страницы детских книг лишь после исторического постановления о печати XIII съезда партии.

Большой вред приносили литературе вульгаризаторы и упростили марксизма. Эти люди проповедовали абсолютно чуждые марксизму идеи и насаждали то самое комчанство и легкомысленное, пренебрежительное отношение к старому культурному наследию, против которых так настойчиво предупреждала партия и в своих резолюциях о печати и в постановлении ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы».

Эти пролеткультовские и рапповские тенденции проявлялись в детской литературе особенно вульгарно и прямолинейно, находя подкрепление в антиленинской теории отрицания школы и в лженауке — педологии.

Рапповцы, подвизавшиеся в детской литературе, сводили ее воспитательные задачи к тому, чтобы преподносить детям в доступной их пониманию форме некоторую сумму политических сведений и коммунистических идей и считали чуждым и антипедагогичным всякое произведение для детей, даже самых маленьких, написанное не на актуальные темы современности.

«Мы начинаем понимать, что не та литература художественна для современного пролетарского ребенка, где есть музыкальная отвлеченная ритмичность прошлых веков, а тот рассказ мы называем художественным, где в яркой, образной форме отражаются те или иные моменты нашей современности... *Вне этой современности нет художественно воспитывающей литературы...*»¹ — писала Э. В. Яновская, бывшая в то время одним из руководящих работников дошкольного воспитания.

«Мы конкретно подходим к полному разрушению сказок и всей буржуазной детской литературы, несмотря на то, что у нас еще нет в достаточном количестве нового

¹ Яновская Э. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку. Харьков, 1925, стр. 63.

материала для современного «живого слова»¹, — писала она в той же брошюре.

Исходя из подобных теорий, вульгаризаторы марксизма пытались закрыть доступ в детскую литературу всем, кто так или иначе стремился создавать эту литературу творческим методом. Они ополчались против всякого вымысла, против фантазии, отрицали самую возможность творчества, игнорировали вопросы специфики искусства, вопросы художественной формы.

Таким образом, и в области детской литературы партии приходилось вести борьбу на два фронта.

Необходимость борьбы со всеми этими враждебными теориями и соответствующей им литературной практикой сильно замедляла и осложняла создание новой литературы для детей, но, конечно, не могла остановить его.

III

Развитие детской литературы обуславливалось мощным подъемом культуры и, в частности, крупными успехами, достигнутыми в то время советской литературой.

Значительную роль в развитии советской детской литературы сыграла и возникшая в конце 1922 года пионерская организация.

Пионерская организация предъявила к детской литературе большие требования. Она ставила своей прямой задачей привлечение ребят к активному участию в восстановлении народного хозяйства. Она призывала их к борьбе с религиозными и националистическими предрассудками. Она призывала их быть новаторами в быту, в жизни, новаторами в сельском хозяйстве. И литература должна была вооружить ребят для этой борьбы, помочь им разобраться в чрезвычайно сложных явлениях действительности, показать им правдиво, что происходит в жизни; кроме того, литература должна была давать детям знания, которые были им необходимы для этой борьбы.

Именно о такой литературе для детей говорилось в цитированной выше резолюции XIII съезда партии.

1924 год, когда была опубликована эта резолюция,

¹ Яновская Э. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку. Харьков, 1925, стр. 95.

можно назвать переломным в развитии советской литературы для детей.

Перед детской литературой была поставлена задача ответить на широкие запросы нового детского читателя, помочь советским педагогам и пионерской организации в осуществлении задач коммунистического воспитания.

Эта задача была чрезвычайно сложна и отнюдь не сводилась к изменению тематики детских книг. Конечно, овладение новой актуальной тематикой было необходимо. Но это, в свою очередь, требовало отказа от пустого развлекательства и формалистических вывертов декадентской детской литературы и возврат к великим традициям русской классики и народного творчества, к традициям идейной содержательности, воспитательной значимости и высокого художественного уровня произведений для детей.

Возврат к этим традициям означал правдивое и глубокое отображение явлений действительности и требовал не усвоения некоторой суммы формальных приемов, а овладения подлинным мастерством — искусством широкого и яркого обобщения в образе.

Без овладения искусством правдивого и глубокого, подлинно художественного отображения действительности и без осознания того, что именно жизнь людей должна быть предметом детской литературы, так же как любой другой отрасли искусства, немислимо было создание полноценных произведений для детей, посвященных актуальным темам современности. Овладение актуальной тематикой было делом наиболее трудным, так как требовало от писателя особенно глубокого, четкого понимания жизненных процессов, умения замечать в жизни ростки нового, ясности мировоззрения. Этими качествами обладали в то время лишь очень немногие детские писатели.

Создание новой литературы для детей было процессом сложным и многогранным. В этом процессе принимали участие писатели самых разных литературных направлений, очень не схожие по характеру творчества и по степени понимания явлений советской действительности, запросов читателя и требований советской педагогики.

Делу обновления литературы для детей порой объективно служили даже некоторые писатели, не осознавшие необходимости ее коренного изменения, но понимавшие, что существующая литература не удовлетворяет высоким требованиям искусства.

К числу таких писателей принадлежал, например, К. И. Чуковский, который не понимал в то время необходимости создания литературы новой по содержанию. Все его усилия были направлены лишь на обновление формы, на приближение ее к восприятию маленького ребенка.

Известно, что в сформулированных Чуковским несколькими годами позже «заповедях детского писателя», где до мельчайших подробностей разработаны вопросы формы, нет ни малейшего упоминания ни о содержании, ни о тематике поэтических произведений для маленьких детей, ни о круге их интересов.

Но вместе с тем, наблюдая и изучая маленьких детей, Чуковский видел, как не отвечали эстетские бессюжетные, сложные по форме произведения декадентов детским интересам и вкусам, как чужды детям их созерцательность, их минорные и мистические настроения.

В своем творчестве для детей он стремился как можно лучше учесть возрастные особенности восприятия маленьких детей и их вкусы и примениться к ним.

Начало 20-х годов было для Чуковского периодом расцвета. Одна за другой появлялись его смешные, веселые книжки: «Мойдодыр», «Тараканище», «Путаница», «Муркина книжка», и другие.

Все эти сказки, разные по тематике, по сюжету, по материалу, были совершенно однотипны по форме. Все они быстротой развития действия напоминают кинематограф — во всех показана опасность, благополучное спасение. Все состоят из коротеньких, в две-четыре строчки, законченных эпизодов, каждый из которых иллюстрируется картинкой; все сказки написаны однотипными стихами: преобладание хорея, коротенькие строчки, парные или перекрестные рифмы, звучность, обусловленная преобладанием гласных над согласными; короткие, простые предложения, обилие глаголов и почти полное отсутствие прилагательных.

Некоторые из этих сказок были настоящей большой удачей. Такой удачей был «Мойдодыр», разрешавший традиционную тему о неряхе без скучной дидактики и морализования, а в юмористическом плане.

Созданный Чуковским утрированный образ грязнули с кляксой под носом и ваксой на шее был по-настоящему смешон, и никому из маленьких читателей не хотелось быть на него похожим, тем более что созданная в стиле

дразнилок характеристика грязнули немедленно вошла в детский обиход и могла быть в любой момент обращена против нарушителя правил гигиены.

Второй удачей была сказка «Тараканище». В этой сказке были все элементы излюбленной Чуковским схемы: и опасность, и паническое бегство врага, и легкость молниеносной победы маленького бесстрашного героя. Однако, в отличие от других созданных по той же схеме его сказок («Крокодила» и «Мухиной свадьбы»), в ней есть не только та словесная графика, наличие которой Чуковский считал обязательным в каждом стихотворении для детей, но и художественный образ как обобщение, без которого немыслима подлинная поэзия. Это лаконично и выразительно обрисованный в нескольких строчках образ центрального персонажа сказки — Таракана:

Вот и стал Таракан победителем,
И лесов и полей повелителем.
Покорилися звери усатому
(Чтоб ему провалиться, проклятому!)
А он между ними похаживает,
Золоченое брюхо поглаживает.
«Принесите-ка мне, звери, ваших детушек,
Я сегодня их за ужином скушаю!

Перед нами сказочный и вместе с тем очень жизненный образ жестокого и наглого деспота, возбуждающий чувство негодования и желание с ним бороться. Этот образ выделяет «Тараканище» не только среди сказок Чуковского, но и среди большинства стихотворных произведений того времени для маленьких детей. В «Тараканище» Чуковский наиболее близко подошел к разрешению вопросов содержания литературы, ее воспитательных задач.

Но этим вопросам Чуковский в то время не придавал значения. Решающую роль он отводил именно тем внешним, формальным моментам, о которых говорилось выше.

Только недооценкой Чуковским роли содержания можно объяснить то, что наряду с такими ценными произведениями, как «Тараканище», «Путаница» и «Мойдодыр», в это время вышла и такая сказка, как «Бармалей».

В этой сказке беспощадный, кровожадный разбойник Бармалей, возбуждающий страх и негодование маленьких читателей, будучи наказан и вымолив прощение, вдруг

раскаивается и превращается в любвеобильного кондитера, угощающего детишек сладкими пряничками. Метаморфоза эта так неубедительна, что в нее трудно поверить даже маленькому ребенку.

Впрочем, автор не очень заботится о том, чтобы ему верили. Он сам как бы подчеркивает, что не верит ни во что из того, о чем рассказывает, и надо всем смеется. Он смеется сперва над «папочкой и мамочкой», которые предостерегают детей, что «Африка ужасна», потом над детьми, которые, не поверив им, попали в беду.

О самом трагическом, с точки зрения читателя, эпизоде сказки — о том, как Бармалей бросил в костер благородного доктора Айболита, пытавшегося спасти детей, — Чуковский рассказывает в форме смешного каламбура:

И горит Айболит и кричит:
«Ай болит! Ай болит! Ай болит!»

А подконец, как бы опасаясь, что маленький читатель по своей наивности все же может поверить в страшного Бармалея, Чуковский спешит посмеяться и над их доверчивостью, превращая этого ужасного злодея в доброго кондитера.

Получается не сказка, которая всегда, даже о самых невероятных вещах стремится рассказать убедительно и правдоподобно, а пародия на сказку — разрушение сказочного образа.

Как мы видим, творчество К. И. Чуковского на этом этапе чрезвычайно противоречиво.

В борьбе за мастерство детской поэзии, за соответствие ее формы особенностям восприятия маленьких детей заслуги Чуковского несомненны.

Основываясь на тщательном изучении восприятия маленьких детей, Чуковский сумел установить некоторые особые требования к поэтической форме произведений для самых маленьких, вытекающие из объективно существующих закономерностей возрастного развития ребенка. Свои сказки, написанные согласно этим требованиям и действительно отвечавшие особенностям восприятия малыша, Чуковский противопоставлял произведениям всех тех, кто, работая в области детской поэзии, игнорировал возрастные особенности читателя.

В поисках поэтических форм, наиболее отвечающих вкусам маленького ребенка, Чуковский обращался и к

фольклору. В его произведениях этого периода часто встречаются выражения, обороты речи, почерпнутые из народных сказок, песенок, прибауток. Его потешки и перевёртыши созданы по образцу народных сказок, русских и английских.

Это обращение к источнику народного творчества тоже было заслугой для того времени, когда рапповские вульгаризаторы отрекались от всего культурного наследства и наряду со всей литературой прошлого предавали анафеме и произведения, созданные для детей народом.

Но и произведения народного творчества интересовали Чуковского главным образом с точки зрения формы. Правда, он указывал (в статье «Лепые нелепицы») и на дидактическую ценность народных перевёртышей. Однако глубина идейного содержания русского народного творчества осталась в те годы не замеченной Чуковским.

IV

Без преодоления влияния декадентов, без возрождения великих революционно-демократических традиций русской литературы невозможно было создать литературу социалистического реализма, продолжавшую и развивавшую эти традиции.

«Бросьте футуристов, бросьте Белых, бросьте декадентчину, которая шла непосредственно перед нами, до и во время войны», — писал в это время в одной из своих статей нарком просвещения Луначарский. И, советуя писателям обратиться к великим традициям классиков во всех областях искусства, он призывал: «Идите туда, учитесь у них. Что это значит: назад? Нет, это не значит — идти назад. Это значит идти до того пласта, на котором можно строить. Это значит мусор очистить долой, добратся до каменных пород нашей литературы и быстро превзойти всякие образцы»¹.

В этом призыве, выражающем то же отношение к декадентам, которое мы видели и в постановлении партии и в высказываниях В. И. Ленина, речь идет, конечно, не только о литературной форме, но в первую очередь о том,

¹ Луначарский А. В. Судьбы русской литературы. Л., 1925, стр. 51—52.

чтобы вернуть литературе содержательность, принципиальность, роль активного участника в революционной борьбе, присущую литературе революционных демократов.

В условиях восстановительного периода, когда решение вопроса: быть или не быть социализму, в значительной степени зависело от подъема культурного уровня народа, чрезвычайно важно было создать литературу, способную воздействовать на широкие народные массы, близкую народу и по форме и по содержанию.

И для детей нужно было создавать литературу, всеми корнями связанную не с той чахлой отраслью дореволюционной литературы, которая именовалась детской, а с лучшими традициями великих русских классиков и народного творчества.

Продолжая начатую М. Горьким борьбу в защиту этих традиций, одним из первых в детской литературе выступил С. Я. Маршак.

Противопоставляя лозунгу «чистой поэзии» требование идейной содержательности литературы для детей и осуществление ею великой задачи быть учителем жизни, он в то же время подчеркивал значение художественной формы и в качестве образца художественного произведения для детей, богатого идеями и содержательными жизненными образами, приводил народную сказку.

Эти взгляды на детскую литературу были сформулированы Маршаком в самом начале его литературной работы для детей.

В статье «О театре для детей», опубликованной в 1922 году, он писал: «Ребенку нужен не суррогат искусства, а настоящее искусство, конечно доступное его пониманию... Ребенок в каждой сказке, в каждом художественном произведении хочет увидеть всю жизнь, он не развлекается, а учится. Поэтому театр для детей должен давать пьесы, заключающие в себе большие идеи — конечно, не в скучной, не в тенденциозной форме, а в живых образах...

Прекрасным материалом могут служить русские народные сказки...»¹

Высказанные в этой статье требования к детской драматургии, относившиеся и ко всей детской литературе, были сформулированы, быть может, недостаточно четко,

¹ Маршак С. О театре для детей, журн. «Просвещение», орган Кубано-Черноморск. облоно, 1921—1922, № 3—4, стр. 92—93.

но основное из них — требование *содержательности*, больших идей, живых образов подлинного искусства показали, что автор статьи — противник принципа «искусства для искусства» и той линии, которую проводили в детской литературе рапповские вульгаризаторы марксизма.

Взгляды, высказанные в этой статье, Маршак положил и в основу всей своей творческой поэтической работы.

Борьба за освоение традиций народного творчества и за подлинное искусство для детей — вот чем определяется характер произведений Маршака на этом этапе.

Некоторые из произведений для детей, созданных им в эти годы, представляют собой лишь творческий пересказ русских и иностранных народных сказок или песенок. К числу их принадлежит, например, большинство пьес сборника «Театр для детей», «Сказка о глупом мышонке» и сборник английских народных песенок: «Дом, который построил Джек».

Другие, такие, как «Пожар», «Мороженое», «Цирк», совершенно оригинальны, но всеми нитями связаны с народным творчеством. И так же, как в произведениях народного творчества, в них ярко выражены воспитательные и образовательные тенденции.

Эти произведения были чрезвычайно разнообразны и по тематике и по жанру.

Ребенок, читая их, мог посмеяться веселой, озорной шутке, но вместе с тем получал много новых представлений об окружающем мире, запоминающихся поэтических образов, учился слушать музыку стиха, радоваться точному и меткому слову богатого русского народного языка.

Именно эту последнюю черту в творчестве Маршака особенно оценил А. М. Горький.

Несколько лет спустя, защищая Маршака от нападков вульгаризаторской критики, взявшей под особый обстрел его народные прибаутки, Горький писал, что подобным критикам следовало бы помнить, «...что не один Пушкин учился русскому языку по песенкам и сказкам своей няньки, а что и Лесков, и Г. Успенский, и многие дети, впоследствии творцы русского литературного языка, постигали красоту, силу, ясность и точность его именно на забавных прибаутках, поговорках, загадках у нянек, солдаток, кучеров, пастухов». Далее Горький особо подчеркивал, что «...никогда еще дети не нуждались так в обогащении языком, как нуждаются они в эти годы, в наши дни, когда

жизнь всесторонне изменяется, создается множество нового, и все требует новых словесных форм».

В заключение Горький замечает: «Та детская литература, которую создают люди, подобные Маршаку, отлично удовлетворяет эту важную потребность»¹

К новой теме Маршак в это время в своем творчестве еще не пришел.

Советская действительность и советский человек не нашли еще в это время отражения в поэзии Маршака, в ней не зазвучала еще большая политическая тема. Но старые традиционные темы детской литературы приобретают у Маршака совершенно новое звучание, выводящее детскую поэзию из сферы голой дидактики в атмосферу подлинного искусства, глубоких идей и больших чувств.

Ярким примером этого может служить сказочная поэма Маршака «Пожар». Написанная как будто на традиционную тему послушания и его печальных последствий, эта сказка из дидактического рассказа о непослушной девочке, шалившей с огнем, превратилась в героическую поэму о труде пожарных, наполнилась большим жизненным содержанием.

Читая эту сказку, ребенок ясно представлял себе, как возник пожар, как огонь охватывал все вокруг, как работали пожарные и каких трудов стоило им справиться с огнем. Ярко и непосредственно возникали в душе ребенка и огорчение, что шалость Лены окончилась так печально, и радость, что пожар удалось погасить, и преклонение перед героизмом и храбростью пожарных, и — что важнее всего — глубокое чувство любви и уважения к простому человеку, человеку труда.

И пусть этот человек в поэме Маршака еще лишен был черт современности, пусть он, обращаясь к нашалившей девочке, называл ее «барышней», — важно то, что *отношение*, которое поэма воспитывала в детях к простому человеку и его труду, было *новое, советское*.

И, конечно, именно тему труда — большую тему советской поэзии — решала поэма Маршака, а не ту узенькую, специфически детскую темочку опасности игры с огнем и пользы послушания, которой посвящена старинная детская сказка «Печальная история со спичками».

¹ Горький М. О детской литературе. М.—Л., Детгиз, 1952, стр. 85.

Маршак не ставил перед собой цели обновления тематики, но он боролся за большое поэтическое мастерство, за то, чтобы детская литература стала подлинным искусством, содержательным и воспитывающим. И эта борьба привела его к одной из наиболее жизненных и актуальных тем эпохи — теме труда.

Труд и новое отношение к нему были одним из наиболее важных явлений современной действительности и одной из актуальнейших тем литературы.

В творчестве Маршака тема труда с первых же произведений стала ведущей. Ей была посвящена и его поэма «Пожар», и загадки, и стихотворные рассказы о вещах. Эти загадки и рассказы о вещах, их свойствах, устройстве и назначении обогащали круг представлений детей о технике, что было особенно важно в связи с задачами политехнического воспитания.

Тема труда была в эти годы чрезвычайно важной для детской литературы. Трудовое воспитание, являющееся одним из краеугольных камней советской педагогики, требовало соответствующей литературы, способствующей воспитанию в детях нового, социалистического отношения к труду. Задачи политехнизации требовали широчайшего ознакомления детей с различными видами труда, с основами производства, требовали расширения круга технических их представлений.

Книг, посвященных труду и технике, выходило довольно много. Но не все эти книги были новыми по существу и в большинстве мало отвечали своим задачам.

Эти произведения советских писателей для детей рассказывали о тяжести труда рабочих или крестьян до революции или описывали производственный процесс.

Тяготы труда и могущество техники — вот основные мотивы прозаических произведений тех лет.

В поэзии в это время большое распространение получили так называемые «производственные книжки», то-есть книжки о производстве различных предметов: Н. Г. Смирнов и О. и Г. Чичаговы — «Откуда посуда», М. Шкапская — «Алешины галоши», Н. Шестаков — «Два внука и сахарная наука», «Приключения Петухова Гришки, или Как делаются книжки», Л. Зилев — «Что сделал трактор», «У Леши калоши», Н. Агнiewicz — «Чашка чаю», «Винтик-шпунтик» и т. д.

Как показывает даже этот далеко не полный перечень, круг тем был довольно широк. Но все эти стихи, не говоря уж об их низком литературно-художественном уровне, в большей или меньшей степени страдали одним очень существенным недостатком: содержащийся в них скудный познавательный материал тонул в массе развлекательных эпизодов, вводимых для того, чтобы подсластить «горький корень науки».

Авторы большинства этого рода книг сами мало знали тот предмет, о котором брались писать, и не верили в то, что он может сам по себе интересовать детей. Поэтому они, почти ничего не говоря по существу, изоощрялись в изобретении всяких «интересных» приемов, чтобы достичь занимательности.

Простота в этих книжках подменялась упрощенчеством, живость и наглядность изложения — развлекательством, образ — схемкой, а познавательный материал был не только не полон и не точен, но часто и прямо ошибочен.

Посвященные теме труда рассказы, загадки Маршака о вещах резко отличались от такого рода литературы не только достоинствами формы, но и прежде всего трактовкой темы. Стремясь возбудить интерес и уважение ребенка к труду человека и к технике, облегчающей его труд и быт, Маршак в рассказах о вещах достигает этого путем остроумного, лаконичного и точного показа самих вещей, в каком-то неожиданном аспекте, вскрывающем наиболее существенные и важные свойства каждой из них, так что невольно возникает мысль об уме, силе и ловкости сделавшего их человека.

Из всех этих поэтических рассказов о вещах наибольший интерес безусловно представляет «Вчера и сегодня»¹. Это стихотворение повествует о преимуществах новой техники в быту: электрической лампы, водопровода, пишущей машинки над лампой керосиновой, свечкой стеариновой, коромыслом с ведром и чернильницей с пером.

Тема эта для начала 20-х годов была чрезвычайно актуальна еще и в связи с борьбой за новый быт.

Новые предметы охарактеризованы в стихотворении с большой точностью и лаконизмом, свойственным загадкам:

¹ Маршак С., Лебедев В. Вчера и сегодня. Л., «Радуга», 1925.

Мне не нужно керосина,
Мне со станции машина
Шлет по проволоке ток.
Не простой я пузырек.
Если вы соедините
Выключателем две нити,
Зажигается мой свет.
Вам понятно или нет?

Или:

Запаятые,
Точки, строчки
Бьют кривые
Молоточки...

Несмотря на краткость, сразу ясно, что речь идет об электрической лампе, о пишущей машинке. Старые предметы домашнего обихода очеловечены, и от их имени ведется повествование. Старые вещи, выброшенные за ненадобностью на чердак, жалуются друг другу на свою судьбу и на новые времена, которые сделали их ненужными.

Каждая из этих вещей обрела индивидуальный характер, проявляющийся в речи — в лексиконе, в манере говорить. И это не просто индивидуальный характер, а именно характер, типичный для определенной социальной среды и эпохи. Коромысло, лампа и другие ожившие предметы ярко ассоциируются с определенными типами представителей старого мира. И «Вчера и сегодня» из рассказа о преимуществах новой техники, нового быта перерастает в сатиру на защитников старого уклада, врагов и противников всего нового.

Совершенно новую трактовку нашла тема труда в рассказах пришедшего в детскую литературу в начале 20-х годов Б. С. Житкова.

Героями всех его рассказов, начиная с самых первых, печатавшихся в 1924 году в журнале «Новый Робинзон», а затем вошедших в сборники «Злое море»¹ и «Морские истории»² являются простые люди, люди труда.

Но внимание писателя привлекают не те тяжелые условия, в которых протекает их труд, а суровое мужество этих людей, их верность долгу, товарищеская солидарность, их умение найтись в минуту опасности.

Ученик летного механика Федорчук, на крыле самолета

¹ Житков Б. Злое море. Л., «Время», 1924.

² Житков Б. Морские истории. М.—Л., ГИЗ, 1925.

та в 150 метрах от бушующего моря исправляющий мотор («Над водой»); матрос Ковалев, который спасает всю команду из перевернувшегося вверх дном судна и, едва выбравшись на поверхность и отдышавшись, вновь возвращается в затонувшее судно, чтобы вынести оттуда гибнущих женщину и ребенка («На воде»); два подростка, пробирающиеся на корабль и похищающие оттуда компас, чтобы не дать штрейкбрехерам вывести корабль в море и сорвать забастовку («Компас»), — таковы герои первых рассказов Житкова.

Сознание ответственности, мужество, подлинная храбрость, самоотверженность, готовность отдать жизнь за товарища и за общее дело, и все это без шума, крика, бахвальства, показной удалости и красивых жестов, — вот те качества, которыми обладают люди труда, герои рассказов Житкова.

Подлинную любовь и уважение возбуждают в читателе эти простые, суровые люди.

И не менее ярко показаны в рассказах Житкова бездельники и тунеядцы, люди, не знающие своего дела, не желающие работать, живущие за счет чужого труда. В каждом слове, сказанном о них Житковым, сквозит презрительная насмешка, негодование, а иногда и прямая ненависть.

В более поздних рассказах Житкова все большее место начинает занимать человек, влюбленный в свое дело, мастерски выполняющий его, — человек, для которого главное содержание жизни составляет его труд.

Перед читателем проходит целая галерея людей разных профессий.

Отношением к труду, умением и мастерством определяется ценность человека, его моральный облик. Творческий, созидательный труд человека — вот основное содержание рассказов Житкова. И этот труд Житков показывает не только с любовью и уважением, но и с большим знанием дела.

Он никогда не говорит о труде вообще, а всегда показывает вполне определенный труд во всей его конкретности, точно и детально, так что читатель буквально видит весь процесс, и видит не как равнодушный зритель, а как мысленный участник его.

Той же любовью, восхищением и преклонением перед искусством мастера проникнуто у Житкова и описание

вещей, сделанных руками человека. Каждая вещь описана так, что вызывает у читателя здоровую зависть к сделавшему ее человеку, желание самому сделать такую же.

Радость созидания, гордость человека труда своим мастерством, дающим ему власть над вещами, отношение человека к труду как основа его морального облика — вот то новое, что зазвучало в рассказах Б. С. Житкова, сразу выделив их из всей остальной литературы для детей, посвященной труду.

Такое понимание труда делало рассказы Житкова произведениями подлинно советскими, несмотря на то что в них показана главным образом не советская, а дореволюционная жизнь.

Трудно переоценить ту роль, которую играли произведения Житкова в воспитании у детей нового, социалистического отношения к труду и в расширении круга их технических представлений.

Мастерство, с которым написаны эти рассказы, жизненность образов людей, типичность ситуаций, правдивость и конкретность отображения явлений действительности, страстная принципиальность в отношении к людям и событиям, предельно точный, лаконичный и вместе с тем образный язык придают рассказам Житкова силу воздействия, присущую только подлинным произведениям искусства.

Маршак в области поэзии и Житков в области прозы для детей явились подлинными новаторами, несмотря на то что тематика их произведений была не нова и что оба они не отображали еще в своем творчестве советской жизни, советского человека.

V

В значительной степени новаторской была и деятельность В. В. Бианки, молодого в то время ученого-орнитолога, ставшего одним из наиболее популярных детских писателей-анималистов.

Научно-популярная и научно-художественная литература занимала в те годы весьма значительное место среди книг, издаваемых для детей. В создании ее начинают принимать участие советские ученые.

В. А. Обручев в эти годы создает для детей свой научно-фантастический роман «Плутония»; А. Н. Формо-

зов пишет для детей очерки и рассказы о природе — «Следопыт» (Как по следам наблюдать жизнь наших птиц и животных), «Шесть дней в лесах» (Приключения юных натуралистов).

Привлекаются к работе и лучшие популяризаторы, работавшие до революции, такие, как Я. И. Перельман, многочисленные книги которого о занимательной науке (старые и новые) оказывали большую помощь педагогам и в школе и во внешкольной работе с детьми.

Появляются и книги прикладного характера, помогающие детям в организации их трудовой деятельности («Моя мастерская» Соломина, серия «Книга юного труженика», и др.), дающие указания, как самому сделать летательные аппараты, оптические приборы и т. п.

Издаются интересные рассказы о природе бывшего шлиссельбуржца М. В. Новорусского: «Тюремные Робинзоны» и «История снежинки».

Историю изобретения паровоза пишет Б. С. Житков. О радио, в то время только входившем в быт, рассказывают ребятам С. Т. Григорьев в своей книге «Сигналы великанов» и Б. Лавренев в рассказе «Радиозаяц». П. Лопатин и П. Сурожский пишут очерки, посвященные достижениям советской техники и строительства, в частности большой трудовой победе советского народа — завершению Волховстроя.

Издаются целыми сериями и тематическими сборниками очерки о происхождении жизни на Земле, о строении вселенной, о явлениях природы, о жизни животных и растений. Немало издавалось и всевозможных рассказов о животных.

Но рассказы и сказки о животных В. В. Бианки, появившиеся в журналах «Воробей» и «Новый Робинзон», а затем выходившие отдельными изданиями, сразу обратили на себя внимание и детей и педагогов.

Эти рассказы и сказки, интересные и доступные даже совсем маленьким детям, были подлинно научны. Научность их заключалась не только в том, что они давали детям точные и достоверные сведения о животных, но и в том, что эти сведения не были отрывочными и разрозненными, как это обычно имело место в анималистской литературе для детей, а показывали явления во взаимосвязи и взаимозависимости. Такие веселые рассказы, как «Кто чем поет», «Чьи эти ноги», «Чей нос лучше», помогали

детям понять взаимодействие между средой и организмом; маленькая сказочка о заблудившейся ласточке, «Лесные домишки», рассказывая о различных видах птичьих гнезд, показывала зависимость устройства гнезда от образа жизни животного; смешной рассказ о неудачливом щенке, «Первая охота», знакомил детей с законом мимикрии и т. д.

Это был совершенно новый подход к явлениям природы в книге для детей, первая в истории детской литературы попытка подвести детей к пониманию диалектических закономерностей в жизни природы.

Правда, не все произведения Бианки, написанные в эти годы, были одинаково удачны. Так, повесть «Мурзук», изданная впервые в 1925 году, в которой Бианки пытался изобразить не только животных, но и людей, показывала искаженную картину взаимоотношений человека и природы, и зверь оказывался в этой повести умнее и благороднее человека. Образ человека не удавался Бианки. Но в рассказах и сказках, где речь шла лишь о мире природы и его закономерностях, Бианки был подлинным новатором.

VI

Создание произведений, откликающихся на темы современности, помогающих детям разобраться в сложных явлениях советской действительности, в событиях окружающей жизни, понять их политическую сущность, представляло, как мы уже говорили, наибольшие трудности. Но, несмотря на все эти трудности и препятствия, и такая литература начинает создаваться.

В книгах для детей, изданных в 1924 и 1925 годах, бросается в глаза огромная широта тематики: Октябрьская революция, жизнь Ленина, Красная Армия, гражданская война, жизнь народов Советского Союза, революционная борьба в других странах, жизнь советских детей, пионерская работа, борьба с беспризорностью, история революционного движения.

Если вспомнить, что на большинство этих тем в первые годы революции, не говоря уже о дореволюционном периоде, старой педагогикой налагался запрет, то эта широта тематики сама по себе является показателем бурного потока нового, хлынувшего в детскую литературу.

Однако новая тема далеко не всегда означала новое содержание. Выходившие в эти годы книги, посвященные темам современности, часто не обеспечивали того воспитательного направления, которого требовала партия.

Большое распространение получили, например, сказки, авторы которых упрощенно раскрывали перед детьми сущность классовой борьбы и политических событий посредством неудачных аллегорических образов.

В качестве характерного примера можно указать на сказку «Октябрьская революция» Т. Морозовой, изданную в 1922 году. Октябрьская революция представлена в ней в виде бедной девочки, сначала хилой и слабенькой, а потом выросшей и превратившейся в прекрасную девушку, на пути которой, куда бы она ни ступила, вырастали алые цветы.

Не менее характерна первوماйская сказка А. Кравченко «Про высокую гору и маленькие ручейки», в которой высокая гора символизирует капитализм, а маленькие ручейки — отряды борющегося пролетариата. «Восемь лет тому назад, — говорится в сказке, — один из отрядов-ручейков вырвался наружу. Теперь этот первый победивший отряд с поверхности земли каждое 1 Мая кличет своих братьев».

Такая плоская аллегория, представляющая собой не обобщение в художественном образе конкретных жизненных явлений, а лишь их сухую схему, едва прикрытую малоудачными метафорами, не могла ни в какой мере помочь детям разобраться в событиях реальной жизни.

Далеко не всегда удачны были и многочисленные книги для детей о гражданской войне, являвшейся одной из ведущих тем во всей советской литературе того периода.

Изданные тогда книги о гражданской войне «Красные дьяволята» П. Бляхина (1923), «Макар-следопыт» Л. Остроумова (1925) и ряд других представляли собой авантюрно-приключенческие повести. Они показывали гражданскую войну как цикл интересных приключений. Ведущая роль в этих повестях всегда отводилась детям, которые с необычайной легкостью осуществляли самые сложные задачи, непосильные для взрослых и для всей Красной Армии, молниеносно одерживали одну за другой блестящие победы.

Такого рода литература неправильно отображала действительность гражданской войны, искажая ее, приучала

детей смотреть на войну как на заманчивую авантюру. Всем книгам этого рода в высокой степени было свойственно то противопоставление романтики гражданской войны будням восстановительного периода, с которым партии приходилось вести борьбу и на других участках идеологического фронта.

Кроме того, эти книги возбуждали в детях чувство превосходства над старшими, внушали им вредный авангардизм.

Таким образом, несмотря на чрезвычайную актуальность тематики, эти книги приносили детям не пользу, а вред; не помогали, а мешали им правильно понять явления действительности, выработать правильное отношение к ним.

Не лучше было и большинство стихотворных произведений, посвященных этой актуальной политической теме.

Здесь мы находим массу звериных и кукольных войн и революций: «Бунт кукол», «Бунт зверей», «Война спичек», «Война игрушек», — типичные проявления упрощенчества и вульгаризаторства. Вот, например, как представлена революция в одном из подобных произведений: матрешки, оловянные солдатики и другие дешевые игрушки, обслуживающие куклу-барыню, узнав, что «вся власть Советам», решили устроить забастовку, а затем:

Сели в сани всей кучей,
Приладили скамейку:
Вези, товарищ кучер,
Всех нас в комячку¹.

Очевидно, чувствуя, что весь этот маскарад ничуть не помогает детям понять сущность событий, автор дает прямое пояснение своей аллегории:

Всем куклам наука	Черный арап
От кукол этих!	На борьбу еще слаб.
Ведь много еще кукол	И много других
Глупых на свете:	С головою кучею.
Китаец бумажный	Всем им помоги
Живет неважно,	Устроить революцию ² .

Но, конечно, от этого пустая, поверхностная аллегория не наполнялась жизненным содержанием. Отношение же, которое вызывали у читателя эти куклы «с головою ку-

¹ Городецкий С. Бунт кукол. М., «Новая Москва», 1924.

² Там же.

цею», не способствовало, а мешало воспитанию в детях чувства любви и уважения к другим народам.

Так же политически беспомощны и лишены всякой конкретности были многие стихотворные книги, написанные в то время для детей о жизни за рубежом, призванные воспитывать интернациональную солидарность.

Вот что, например, представляли собой в книжке «Детский интернационал». В советский детский дом, по приглашению наркома иностранных дел, прибывают дети других народов: эскимос с шубами и рыбьим жиром, китаец с чаем, американец на «форде», «немец аккуратный» и т. д.

Сделано это так:

За китайцем входит турок,
У него в зубах окурок,
Феска, спелая морковь,
В сердце — братская любовь.
Он сказал, став к детям в профиль:
«Я возделываю кофе»...

и т. д.¹.

В тех книгах, где делалась попытка показать классовую борьбу, речь большей частью шла о колониальных и полуколониальных народах, и эти народы были представлены в виде тех самых кукол с «головой куцею», которых маленькие советские дети с полным сознанием своего превосходства призваны поучать, как «устроить революцию». Этим и занимаются герои подобных книг, пионеры и октябрюта.

В тех случаях, когда речь в книжке шла о западноевропейских странах, действующими лицами тоже обычно бывали дети. Эти дети всегда чрезвычайно революционно настроены и ведут активную подпольную работу: разбирают листовки, организуют митинги и забастовки и победоносно сражаются с полицией, причем все это дается им чрезвычайно легко, так как враги — от полицейского до президента буржуазной республики — оказываются все поголовно удивительно глупыми и трусливыми. Но главная роль в революционной борьбе отводилась советскому пионеру, который обычно прилетал в эту страну на самолетном аэроплане.

Настоящим советским пионерам, которых в это время школа и пионерская организация стремились привлечь к

¹ Грaлицa Ю. Детский интернационал. М.—Л., ГИЗ, 1926, стр. 16—17.

учению и участию в повседневной культурной и хозяйственной работе, оставалось только завидовать этим юным романтическим героям и сожалеть, что они сами не успели проявить себя на подпольной работе и в гражданской войне.

Журнал «Вожатый» в статье «Пионеры в стране чудес» указывал на порочность такого рода литературы и вред, который она приносит. Называя ряд книг («Приключения Кима», «Будь готов», «Приключения пионера Пети»), написанных именно в таком «мировом» масштабе, автор статьи замечает, что этого рода литература возбуждает у ребят стремление, бросив все свои повседневные дела, заняться немедленно мировой революцией.

Фигурки октябрят и пионеров, мелькавшие на страницах множества детских книг, были трафаретны и лишены всякой конкретности.

Правда, пионеры и октябрята обычно не изображались в виде кукол или зверушек (хотя были и такие книжки, как «Заяц-пионер — всем ребятам пример»). Это были дети, преимущественно мальчишки, одетые в пионерские костюмчики. Все они были снабжены одним и тем же ассортиментом причитающихся пионеру черт, которые автор давал обычно одним перечнем:

В нас живет бессмертный Ленин.
Пионер не знает лени,
Исполнителен, не лжив
И всегда трудолюбив.

К боевым готовы бурям,
Мы и в шутку не закурим.
Буду ль я всегда готов,
Если телом не здоров?

Все мы учимся охотно,
Все, конечно, чистоплотны,
И никто из нас не прочь
Трудовым рукам помочь¹.

Отсутствие конкретности в показе жизненных явлений и типичных индивидуальных черт в образах детей приводило порой к клеветническому искажению действительности, в результате которого коллектив, и, в частности,

¹ Волженин В. Пионеры. Л., «Прибой», 1925, стр. 30—31.

пионерский отряд, представлялся в виде какого-то механизма, где стираются индивидуальные особенности людей, уничтожается личность и остается только некое бесцветное, безликое, многоголовое «мы».

Бесплодны были и попытки некоторых авторов показать не пионерский коллектив, а одного пионера или октябренька, создать положительный образ советского ребенка своей эпохи.

Неудача обуславливалась тем, что эти авторы плохо знали или совсем не знали советских детей и вместо основных характерных, типических черт, определяющих советского ребенка, обобщали те случайные внешние признаки, которые бросались им в глаза, как забавная экзотика.

В результате получалась карикатурная фигурка шустрого малютки, не теряющего ни при каких обстоятельствах, с равным апломбом рассуждающего на каком-то странном диалекте по любому вопросу.

Вот как разговаривает октябренок с феей, которая предлагает ему скатерть-самобранку:

Октябренок-	Прыснул,
Постреленок	Свистнул
Руки	И сказал:
В брюки	«Очень, тетя,
Запихал,	Вы уж врете...

Ни к чему теперь, гражданка,
Ваша скатерть-самобранка.
Никого не удивите
Этой штукою в Нарпите»

и т. д. ¹.

Подобных книг выпускалось множество.

Н. К. Крупская, выступая в начале 1927 года на конференции работников детских библиотек, говорила:

«Не всякую книжку, которая выпущена после 1917 года, можно считать действительно новой книжкой. Таких книг, которые по духу были бы новыми, которые научили бы ребят по-новому подходить к жизни, научили бы их понимать жизнь, — таких книг почти нет, и я должна сказать, что книги, которые пишутся, например, о Ленине для ребят, в большинстве своем лучше не писались бы» ².

¹ Агнiewicz Н. Октябренок-Постреленок. М., «Октябренок».

² «Н. К. Крупская о детской литературе и детском чтении». М., Детгиз, 1954, стр. 29.

Среди книг, посвященных актуальной политической тематике, такие, которые «лучше не писались бы», действительно составляли огромное большинство. И они создавали тот общий неприглядный пестрый фон, на котором трудно было различить ростки подлинно нового в детской литературе.

Но эти ростки уже буйно пробивались, и с каждым годом их становилось больше.

Именно в эти годы выходят первые книги для детей В. Маяковского, поэма Н. С. Тихонова о Ленине и его повести о гражданской войне, о Сунь Ят-сене и др., повесть А. С. Неверова «Мишка Додонов», богатые по содержанию и по форме стихи С. Я. Маршака, первые рассказы Б. С. Житкова, первые стихи А. Л. Барто, очерк о Котовском В. Каверина, цикл рассказов о беспризорных А. В. Кожевникова, повести и рассказы о пионерах Н. В. Богданова, повести и рассказы о гражданской войне С. Т. Григорьева, антирелигиозные рассказы Л. И. Гумилевского и ряд других, новых по содержанию и форме произведений для детей. В самом конце исследуемого периода появляется первая повесть для детей о гражданской войне А. П. Гайдара «Р.В.С.». В эти годы выходят в изданиях для детей «Красный десант» Д. А. Фурманова и «В бухте Отрада» А. С. Новикова-Прибоя. Издаются для детей избранные стихи Д. Бедного.

В создании литературы для детей принимают участие видные деятели большевистской партии. Два очерка для детей, «Будь готов» и «Моя жизнь», пишет Н. К. Крупская, рассказы о детстве В. И. Ленина — «Детские и школьные годы Ильича» — А. И. Ульянова, антирелигиозные очерки для пионеров — «Что должен знать пионер о рождестве» и «Пионерам» — Е. М. Ярославский.

Именно в этот период в детской литературе впервые появляются реалистические образы советских людей — детей и взрослых, именно в этот период начинают звучать в ней идеи классовой борьбы, интернациональной солидарности, социалистического отношения к труду, мотивы борьбы с религией, которой противопоставляется научное, материалистическое объяснение явлений природы.

Все это можно определить как начало процесса кристаллизации советской детской литературы.

Большую роль в создании новых произведений сыграли детские журналы того времени: «Новый Робинзон», «Барабан», «Пионер», газета «Пионерская правда». Они являлись в полном смысле слова лабораториями детской литературы. Большинство произведений, написанных на темы современности, сначала печатались в детских журналах, а затем уж издавались отдельными книжками.

Так, журнал «Барабан» впервые опубликовал для детей балладу Н. Тихонова «Сами», посвященные актуальным темам рассказы А. Кожевникова, Л. Гумилевского, Н. Богданова, очерки А. И. Ульяновой и Н. К. Крупской и пионерские песни А. Жарова. В «Новом Робинзоне» печатаются повести Н. Тихонова «От моря до моря» и «Вамбери», стихотворение Е. Данько «Настоящий пионер», очерк В. Каверина «Сигнал к штурму», первые рассказы В. Бианки и Б. Житкова. В «Пионере» появляются первые стихотворения А. Барто — «Китайчонок Ван Ли», «Мишкаворишка», стихотворение А. Жарова «Вождя не стало», ряд его пионерских песен и фельетон «Приключения Феди Рудакова», поэма Н. Асеева «Беспризорный».

Некоторые из этих произведений были специально написаны для детей. Другие первоначально предназначались для взрослых, но затем прочно вошли в круг детского чтения, завоевали широкую популярность среди детей и стали издаваться и переиздаваться специально для них.

Именно такова была судьба поэмы Н. С. Тихонова «Сами»¹. Н. Тихонов не предназначал свою поэму для детей, но образ маленького индусского мальчика, страдающего в неволе у злого, высокомерного сагиба, который «Сами не считает человеком», был близок детям, вызывал у них не просто сочувствие к своему далекому сверстнику; а горячее желание помочь Сами, вмешаться в его судьбу, освободить всех Сами на свете.

В этой поэме звучали те же мотивы, что и в светловской песне «Гренада». Она была проникнута теми же идеалами и чувствами, которые вдохновляли солдат Красной Армии, сражавшихся не только за советскую Родину, но и за освобождение трудящихся всего мира.

Поэму Тихонова делали подлинно детской не только

¹ Поэма «Сами» была написана еще в 1920 году и вошла в изданный в 1922 году сборник стихов Тихонова «Брага». Для детей она впервые была опубликована в журнале «Барабан» № 2, 1924, а затем вышла в том же году двумя изданиями в ГИЗе.

трогательный образ ее маленького героя, но и непосредственность и искренность чувств, простота и быстрое развитие сюжета, конкретность и правдивость всей типической до мельчайших деталей ситуации.

Удивительно лаконично и точно в нескольких строках поэт передает высокомерное, презрительное отношение к мальчику представителя «высшей расы»:

Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней.
Я властитель твой, обезьяна!

Но этот мальчик, созданный, по мнению сагиба, специально для его удобства, знает имя человека, перед которым трепещет сагиб. Наивно и сказочно представление маленького индуса о Ленине. Оно и не могло быть иным, но он знает главное: он знает, что Ленин может дать ему, маленькому Сами, мудрые советы, слушаясь которых «Сами всех сагибов погубит». Он говорит об этом сагибу, и сагиб теряет, не знает, что ему ответить.

Вся поэма проникнута верой в то, что Ленин действительно поможет Сами избавиться от сагибов. Эта вера придает оптимистическое звучание поэме о тяжелой судьбе индусского мальчика.

Оптимизм делает поэму еще более близкой детям.

Безнадежность и безысходность органически чужды ребенку, и некоторые писатели, понимая это, часто приписывали к произведениям для детей искусственные, надуманные «благополучные» концы.

Тихонов не пошел по этому пути. Сами некуда уйти от сагиба; жизненная правда требует, чтобы он вернулся к нему, и Тихонов следует требованиям этой жизненной правды.

А созданная поэтом оптимистическая концовка не только не противоречит жизненной правдивости, но углубляет ее, делая исторически конкретной правду жизни эпохи Великого Октября.

Поэма Тихонова является ярким доказательством того, что требование «детскости» не противоречит ни требованиям правдивости, ни требованиям художественности, а лишь усиливает их.

Она еще раз подтверждает мысль, что для детей надо писать так же, как для взрослых, только *лучше*.

Поэ́тдму, несмотря на то что поэма Тихонова была написана не для детей, мы вправе считать именно ее первым в советской поэзии сюжетным стихотворным произведением для детей на актуальную политическую тему, с маленьким героем — сверстником и современником читателя.

Первое произведение А. Л. Барто, «Китайчонок Ван Ли»¹, по сюжету напоминает балладу Тихонова.

Правда, героем Барто является не индус, а маленький китаец. Правда, Ли находится в услужении не у сагиба, а у китайского хозяина, но труд его так же непосилен, как труд Сами, и его тоже обижают, и он тоже, как и Сами, знает о Ленине и мечтает о СССР.

Но Ван Ли, в отличие от Сами, не только мечтает попасть в СССР — он действительно попадает туда и становится пионером.

Молодая поэтесса отдала здесь дань сложившемуся в детской поэзии того времени шаблону, в силу которого обиженные и угнетенные дети всего земного шара искали убежища в Советском Союзе.

Характерно, что В. Маяковский в своем очерке «Чешский пионер» счел нужным выступить против такого разрешения вопроса. В этом очерке чешские пионеры в ответ на предложение приехать в Москву, где можно без опаски носить пионерский галстук, справедливо возразили: «Про Москву мы знаем, но мы и в Праге московской свободы добьемся»².

А. Барто даже не пытается показать, как удалось Ван Ли осуществить свою мечту. Это написано наивно и беспомощно. Так бы мог написать сам ребенок. Но удовлетворить детей-читателей это не могло. У них обязательно должны были явиться вопросы, как добрался Ван Ли до Москвы и как он попал к пионерам.

Таким образом, это очень детское и простое по форме стихотворение оказалось на самом деле менее понятным детям, чем поэма Тихонова.

Однако, хотя по сравнению с более поздними произведениями А. Барто ее «Китайчонок Ван Ли» кажется нам

¹ Поэма А. Барто «Китайчонок Ван Ли» была впервые опубликована в журнале «Пионер» № 10, 1924. Первое отдельное издание М.—Л., ГИЗ, 1925. Цитируем по этому изданию.

² Маяковский В. Полное собр. соч. М., Гослитиздат, 1940, т. 12, стр. 95.

вещью очень сырой и слабой, для своего времени это было известным достижением, выделявшимся на том общем фоне стихотворных книг для детей, о котором шла речь выше. В нем звучит искреннее сочувствие к маленькому, замученному тяжелой работой Ван Ли, есть удачно найденные детали быта, хорошие стихотворные строки.

В те же годы начинают появляться и произведения о гражданской войне совсем иного характера, чем упомянутые выше повести Бляхина и Остроумова. К числу их относятся прежде всего повести и рассказы С. Т. Григорьева: «Красный бакен», «Паровоз Э^м — 5324», «Тонькин танк».

Повести С. Т. Григорьева в большинстве написаны в приключенческом плане, причем приключения тоже зачастую носят авантурный характер и не всегда правдоподобны. Но сильную сторону этих повестей составляет исторически верная картина действительности, хорошо подмеченные характерные черты нового в людях.

Главным героем рассказа С. Григорьева «Красный бакен»¹ является мальчик — участник гражданской войны, совершивший подвиг. Но, в отличие от юных героев Бляхина и Остроумова, это мальчик совершенно обыкновенный, и его подвиг не выходит за пределы того, что может совершить ребенок в его возрасте. Сменив раненого в бою лоцмана Пармена Ивановича, Максим проводит судно красных в безопасный проход между минными заграждениями, который Пармен показал ему во время разведки.

Григорьев очень правдиво и детально показывает тот путь, которым Максим пришел к своему подвигу. Мы видим, как этот измученный, одинокий мальчик, попав на судно, привязывается к приютившим его людям, как, слушая их разговоры, начинает понимать, за что они борются, и сочувствовать этой борьбе и как, наконец, в момент опасности он находит в себе силу, чтобы, рискуя собой, спасти судно от гибели.

Рассказ «Красный бакен» помогал маленьким читателям глубже понять события гражданской войны, осознать, за что так героически сражался народ. Вместе с тем, читая этот рассказ, дети видели, ценой каких тяжелых усилий удалось Максиму совершить свое дело, такое простое

¹ Григорьев С. Красный бакен. М., ГИЗ, 1924.

В сравнении с подвигами Макара-следопыта и Красных дьяволят, сколько подлинного мужества требовало оно.

Чрезвычайно ценным в этом рассказе является и то, что в нем впервые на страницах детской книжки появляются реалистические образы большевиков — участников гражданской войны. Один из них, обрисованный лишь несколькими штрихами, но запоминающийся, командир парохода штурман Ждан, мужественный и умный, умеющий, когда можно, взять хитростью опасного врага, а в нужную минуту проявить решительность и смелость. Другой, механик Леонтий, — мудрый друг и первый учитель жизни маленького героя рассказа Максима.

От Леонтия Максим впервые услышал, что человек — это хозяин жизни, мудрый машинист, который управляет сложной машиной мира и должен заботиться, чтобы она хорошо работала «на общее доброе дело». От Леонтия он узнал о борьбе, о долге. У него он научился с недоверием относиться к машинисту Алексею (который оказался врагом).

Рассказ кончается в момент, когда Максим провел благополучно пароход через минные заграждения и Ждан молча целует мальчика. О дальнейшей судьбе Максима ничего не сказано, но его будущий жизненный путь ясен. Этот путь указан ему его старшими товарищами — большевиками Леонтием и Жданом.

Образ большевика, друга и учителя жизни юных героев, но уже гораздо более яркий и полный, перерастающий в высокий жизненный идеал, мы встречаем и в первой книге для детей Аркадия Гайдара (А. Голикова) «Р.В.С.»¹.

Повесть «Р.В.С.» была задумана Гайдаром еще в 1924 году. Об этом говорит тот факт, что в одной из рукописей Гайдара, относящейся к 1924 году, обнаружена написанная рукой Гайдара целая сцена, вошедшая позже, с небольшими изменениями, в «Р.В.С.»².

Написанная в 1925 году и впервые изданная в 1926 году, повесть выделяется на фоне детской литературы этого времени как совершенно новое явление.

Сюжет небольшой повести Гайдара крайне прост.

¹ Голиков А. Р.В.С. М.—Л., ГИЗ, 1926.

² См. статью Ф. Эбин «О творчестве Гайдара» в сборнике «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». М.—Л., Детгиз, 1951, стр. 107—108.

Два мальчика — Димка и Жиган — находят в разрушенном сарае раненого красного командира Сергеева, скрывающегося там от врагов. Мальчики с трогательной заботливостью самоотверженно выхаживают его и дают красным знать о нем. Помощь, вызванная мальчиками, прибывает как раз во-время, чтобы спасти Сергеева от неминуемой гибели.

Но в этом небольшом жизненном случае, положенном в основу сюжета повести, Гайдар сумел увидеть и показать конкретные черты исторической эпохи, характерные для нее взаимоотношения людей. В образах людей ему удалось выделить именно то, что было типично для них как для участников борьбы, что определяло их место в борьбе.

Рисуя детей лишь как маленьких помощников взрослых в их тяжелой борьбе, Гайдар выявляет с большой психологической правдивостью те причины, которые заставляли детей, маленьких, ничего не понимающих в политике деревенских мальчишек, встать на сторону красных и самоотверженно помогать им.

В противопоставленных один другому образах красного командира Сергеева и бандита-дезертира Головня Гайдар воплощает те черты, которые характерны для представителей борющихся лагерей. С одной стороны, мужество, благородство, самоотверженность, готовность выступить на защиту слабых, а с другой — шкурничество, распушенность, жестокость, сочетающаяся с лукавством и трусостью.

Сергеев сначала предстает перед ребятами как сказочный рыцарь справедливости, могущественный заступник, перед которым трусливо отступает темная злобная сила — Головень. Комиссар Сергеев сразу покоряет и очаровывает ребят, и когда они находят его раненым и беспомощным в разрушенном сарае, где ему ежеминутно грозит гибель со стороны того же тупого и злобного врага, они совершенно естественно проникаются к нему глубоким сочувствием и всей душой хотят помочь ему.

Гайдар чрезвычайно тонко показывает, как симпатия и любовь ребят к благородному, мужественному человеку — большевику — перерастает у них в сочувствие тому делу, за которое он сражается.

Именно таков был путь становления у детей революционного сознания, их путь к пониманию целей и задач

борьбы. Этот путь вместе с героями книги шаг за шагом проделывали и проделывают до сих пор миллионы ее маленьких читателей, и в этом большое воспитательное значение первой повести Гайдара.

В этой повести нет легкости преодоления препятствий. Героям приходится преодолевать настоящие трудности, подвергаться весьма конкретной и реальной опасности, проявлять не показную храбрость, а подлинное мужество.

Поэтому повесть Гайдара способствует воспитанию у детей таких качеств, как верность долгу, сила воли, находчивость, мужество, которые нужны советскому человеку независимо от того, придется ли ему жить и работать в условиях мира или войны.

Как мы видим, советский ребенок вошел в детскую литературу прежде всего как маленький участник гражданской войны.

Другим излюбленным юным героем детской литературы начала 20-х годов является беспризорник.

Беспризорничество, порожденное империалистической, а затем гражданской войной и последовавшим за ней голодом в Поволжье, являлось серьезным общественным бедствием. Борьба с этим бедствием была в те годы настолько трудна и сложна, что руководство специальной комиссией по борьбе с беспризорничеством было поручено Ф. Э. Дзержинскому. Активную борьбу с беспризорничеством вели комсомольцы; к участию в борьбе привлекались и пионеры.

Необходимо было создать такие книги, которые помогали бы пионерам понять сущность и причины беспризорничества и составить себе правильное представление о самих беспризорниках, возбудить в детях активное сочувствие к ним.

Книг о беспризорниках в эти годы выходило много. Это были повести, рассказы, очерки и стихи о жизни бездомных детей, полной лишений и страданий, об их проступках и преступлениях, на которые их толкала нужда.

Иногда это были рассказы, очень напоминающие дореволюционные книжки о сиротках, иногда, как в сборнике «Беспризорники»¹, они сводились к протокольной записи рассказов самих беспризорных. В них приводились факты,

¹ Беспризорники. Рассказы беспризорных о себе. Под ред. А. Гринберг. М., Г. Ф. Мириманов, 1925.

но не было ни эмоционального отношения к этим фактам, ни образов детей, рассказывающих о своей судьбе. Это были яркие образцы той голой фотографии, к которой тащили детскую литературу вульгаризаторы, не понимавшие специфики искусства, сводившие на нет роль писателя как художника и педагога.

Совершенно иначе подошел к теме молодой в то время писатель Алексей Кожевников, написавший в эти годы целую серию рассказов о беспризорниках¹. Рассказы Кожевникова, выходявшие отдельными изданиями и сборниками, тоже написаны на подлинном, документальном материале. Но автор глубоко изучил этот материал и творчески подошел к нему. Он художественно обобщил факты и создал яркие характеры, запоминающиеся типические образы беспризорников.

Эти рассказы и сейчас невозможно читать без волнения, до такой степени ярко, жизненно и правдиво показаны в них страшное бедствие беспризорничества тех лет и невероятная трудность борьбы с ним.

«Нет детей-преступников, есть дети больные и сироты», — гласит эпиграф к одному из рассказов, взятый с плаката того времени. Больные физически и морально дети, изнемогающие от голода и холода, попадающие в руки безжалостных эксплуататоров — частных торговцев, которые заставляли их работать буквально за кусок хлеба; дети, нюхающие кокаин для храбрости, прежде чем залезать в чужое окно; дети, замерзающие на улице; дети, промышляющие воровством, нищенством, мелким жульничеством; дети, уже примирившиеся с такой жизнью и втянувшиеся в нее, и рядом с ними такие, которые всеми силами стремятся выбиться, найти путь к правильной жизни, — вот главные герои рассказов А. Кожевникова.

Взрослые в этих рассказах показаны лишь в их отношении к детям и распадаются на две группы: с одной стороны — представители советской власти и общественники, борющиеся с беспризорничеством, а с другой стороны — нэпманы, обыватели, равнодушно вззирающие на гибель детей.

Маленькая, болезненная тетя Лида, поселившаяся в коммуне, организованной беспризорниками, и ночующая

¹ Кожевников А. В. Вокзальники. М.—Л., ЗИФ, 1925; Мамка искать будет. Свердловск, 1925; На улице. М., «Новая Москва», 1925.

на равных правах с ними, на голой койке без простыни и одеяла, так как у ребят постелей еще нет; инспектор Михалев, верный друг и советчик беспризорных ребят, отлично знающий нравы и взаимоотношения мира беспризорников и являющийся как раз во-время на помощь к своему добровольному помощнику беспризорнику Пашке-хлопотуну, чтобы спасти его и опекаемых им новичков от жестокой расправы воровской шайки беспризорника Летуна; другой инспектор — Коротков, помогающий ребятам организовать коммуну; рабочие из депо, которые чутко откликаются на просьбу беспризорника сделать ему детали для точила, чтобы он мог «выбраться» и «стать на производство».

А рядом — торговка Васильевна, превратившая маленького Володьку Гужбана во вьючную лошадь, безжалостно эксплуатирующая его и выгоняющая ночевать на мороз; другой торговец, держащий на всех вокзалах таких «лошадей», которых он снабдил салазками и за это отбирает весь их заработок; дед Яков, подбивающий десятилетнего мальчика влезть через окно в чужую квартиру, и дама, безжалостно преследующая маленького воришку.

Все эти люди и их взаимоотношения типичны для тех лет. И картина жизни беспризорников получается яркой, впечатляющей. Рассказы вызывают горячее сочувствие к беспризорникам, жгучее желание помочь им. Именно это чувство и стремился вызвать автор у пионеров, которым адресовал свои книги.

Но вместе с тем рассказы Кожевникова в совокупности создают ощущение безнадежности. Слишком малыми и слабыми, по сравнению с огромным бедствием и равнодушным миром нэпманов, кажутся люди и организации, призванные бороться с беспризорничеством.

Соотношение сил получилось неправильным. Если бы оно было таким, как представляется автору рассказов, советской власти не удалось бы справиться с беспризорничеством. Автор явно не разглядел и недооценил тех новых положительных начал в советской действительности, которые одержали верх над тяжелым наследием прошлого, и не сумел полно показать их.

Героем повести А. С. Неверова «Мишка Додонов»¹ («Ташкент — город хлебный») тоже является беспризор-

¹ Неверов А. Мишка Додонов. Повесть. М., ГИЗ, 1925.

ник, хотя и временный, так как Мишка покидает родной дом не навсегда, а лишь затем, чтобы привезти из далекого города Ташкента хлеба для своей умирающей от голода семьи.

Однако читателя в судьбе Мишки Додонова волнует не только вопрос, удастся ли ему спастись и вернуться к нормальной жизни, но и сумеет ли он совершить большое и трудное дело, которое он задумал. Мишка Додонов не просто страдающий мальчик, возбуждающий сочувствие, — это положительный герой, преодолевающий препятствия ради большой и достойной цели.

Автор выделяет не те черты своего героя, которые характеризуют Мишку Додонова как беспризорника, а именно те, которые определяют его стремление вернуться домой к нормальной жизни не так, как возвращается потерянный, заблудившийся ребенок, а как большак — кормилец семьи: непременно с хлебом.

Неверов, выделяя положительные стороны характера Мишки Додонова, создает образ очень активного, живого, целеустремленного мальчика с хорошей, здоровой психологией.

Все это делает Мишку Додонова положительным героем, близким советским детям, хотя самого Мишку лишь формально можно назвать советским ребенком. Советского в нем еще очень мало. Это, в сущности, хороший крестьянский мальчик дореволюционного периода. Черты советского быта, новой жизни нашли в книге Неверова лишь весьма слабое отражение.

Но яркость образа героя, типичность ситуации, жизненность конфликта делают повесть Неверова, так же как и рассказы Кожевникова о беспризорниках, одним из наиболее ценных литературных произведений для детей, написанных в те годы.

О беспризорниках писалось очень много и стихотворных произведений. Обычным концом, венчающим стихотворные и прозаические рассказы, посвященные этой теме, было прибытие беспризорника в детский дом и вступление его в пионеры. Именно так заканчивался и стихотворный рассказ А. Барто «Мишка-воришка»¹ и «Похождения Коли и Мити» О. Гурьян².

¹ Барто А. Мишка-воришка. М., ГИЗ, 1925.

² Гурьян О. Похождения Коли и Мити. М., Г. Ф. Мириманов, 1925.

Это была действительно типическая жизненная ситуация. Большую роль в таком повороте судьбы беспризорника не раз играли пионеры, которые часто лучше, чем взрослые, умели подойти к беспризорнику, убедить его на собственном примере в преимуществах жизни в детском доме. Пионерская организация призывала: «Пионер, на борьбу с беспризорничеством!» И пионеры горячо откликались на этот призыв.

Именно такую ситуацию рисует Н. Асеев в своей поэме «Сенька беспризорный»¹. Но в этой поэме, в отличие от других, в большинстве довольно схематичных стихотворных рассказов на ту же тему, беспризорный Сенька Свищ не является просто объектом для благотворного воздействия пионеров — это подлинный герой поэмы, образ которого очерчен с большой теплотой:

Под сажей с грязью
Узнаешь разве,
Рассмотришь разве,
Какое лицо?

От грязи с сажей
Идешь на сажень,
Не видя серых
Глаз колесом.

Эти круглые детские глаза, которых никто не замечает на черном от грязи и копоти лице, сразу делают образ Сеньки зримым, возбуждают сочувствие и внушают уверенность, что Сенька заслуживает иной доли, чем горькая доля беспризорника, который растет «травой сорной на самом ветру».

Тяжелая жизнь Сеньки показана со множеством правдивых, характерных деталей, которые убеждают нас в том, что автор хорошо знает эту жизнь и описывает ее не по литературным источникам.

Костер на углу
Петровки с Кузнецким
Горит, горит
По морозным ночам.

Костер к себе манит
Блеском и треском.
Спиной привалиться...
Спина горяча.

Читатель сразу попадает в ту реальную обстановку, в которой проходила жизнь беспризорных ребят в начале 20-х годов, и совершенно конкретной и понятной становится трагедия Сеньки, у которого «сгорели штаны», когда он заснул, пригревшись у костра.

Показывая, как тяжело живет Сенька и как стойко

¹ Журн. «Пионер», 1925, № 8. См. также Асеев Н. Сенька беспризорный. М., «Молодая гвардия», 1926.

отвергает он предложения воров примкнуть к их шайке, как Сенька сам, без всякой помощи, выучился читать по заголовкам газет, которыми торговал, и сколько ловкости и веселой выдумки проявлял он в этой торговле, Асеев возбуждает в читателе подлинное уважение к нему и активное желание вмешаться в судьбу Сеньки, помочь ему. Это желание очень далеко от той слезливой и презрительной жалости к «сиротке», которую воспитывали в детях старые книжонки, призывавшие к благотворительности.

Активное сочувствие равного к равному, с которым пионеры подходили к своим обездоленным сверстникам, было новой чертой советских детей, воспитываемых советской школой и пионерской организацией.

Н. Асеев сумел тонко уловить и передать именно это *новое* в отношении ребят к Сеньке. Они подошли к нему не с трескучими речами, не с высокомерными поучениями, а с простой, товарищеской заботой.

Стеной окружили,
С двух слов задружили.
На Сенькину рвань
Не фыркают,
О Сенькином деле
Пчелой загудели,
Штаны разглядели
С дыркою.

Разжался у Сеньки
Кулак зажатый.
Губами он дрогнул
Суровыми,
Когда отряда
Всего вожатый
Спослал за штанами,
За новыми¹.

Так и видишь этих гудящих, как растревоженный улей, малышей-октябрят, озабоченных Сенькиной бедой.

Асеев здесь сумел разглядеть рождение нового качества советского ребенка и показать его в совершенно конкретном проявлении, в самой простой и обыденной жизненной ситуации. Он правдиво и полно показал и то зло, с которым приходилось бороться пионерам и октябрятам, и те конкретные формы, в которых велась эта борьба.

¹ Асеев Н. Сенька беспризорный. М., «Молодая гвардия», 1926, стр. 22.

Детство маленьких участников гражданской войны и страшное детство беспризорников нашли, как мы видим, отображение, и даже довольно яркое, в детской литературе исследуемого периода.

Но произведений, отображающих нормальную, обычную новую жизнь советских детей, было мало.

В жизни маленьких участников гражданской войны, да и в жизни беспризорников было много бросающегося в глаза своеобразия, которое писателю легче было уловить. Жизнь советских детей дома и в школе тоже сильно отличалась от дореволюционной, но это отличие лежало гораздо глубже, вскрыть и показать его сущность было труднее.

Писатели еще плохо представляли себе эту новую жизнь детей дома и особенно в школе, где все изменилось и продолжало меняться и перестраиваться. Писатели плохо представляли себе и новые методы преподавания и воспитания, и новые ученические организации, и взаимоотношения учителей с детьми.

О школе в эти годы почти совсем ничего не написано.

Пожалуй, единственное исключение представляет собой маленькая книжка Э. С. Вульфсон «Товарищи»¹ (картинки школьной жизни), в которой главное внимание уделено работе школьного самоуправления. Попытка показать общественную жизнь советской школы и отличие ее от школ буржуазной Европы очень любопытна, но назвать книгу Вульфсон художественным произведением о жизни советской школы все же нельзя.

Самым ярким, самым важным явлением новой жизни детей того периода была молодая пионерская организация. Казалось бы, героем литературы того периода должен был стать пионер, и действительно, книг о пионерах писалось тогда много. Но художественный образ пионера в детской литературе тех лет еще не был создан.

Зачинателем пионерской темы в детской литературе был совсем юный в то время писатель Николай Богданов. Работая инструктором волостного комитета комсомола в Рязанской области, а затем вожатым пионерского отряда одного из районов Москвы, он хорошо знал и жизнь

¹ Вульфсон Э. Товарищи. М., ГИЗ, 1923.

деревни и работу пионеров, причем знал как непосредственный участник и организатор. Это подлинное и точное знание жизненного материала явилось основным достоинством рассказов о пионерах Н. Богданова.

Наиболее удачны те из них, где автор рассказывает о работе городских пионеров в деревне. В рассказе «Пропавший лагерь»¹ (в первом варианте, выходившем под названием «Семь бед»²) показано, как городские пионеры, полные романтических и фантастических представлений о деревне, приезжают туда, чтобы обследовать жизнь крестьян и помочь им, и как они на каждом шагу попадают впросак, сталкиваясь с реальной действительностью.

Постепенно избавляясь от своих нелепых представлений о деревне, ребята, жаждавшие невероятных подвигов и разоблачения преступлений, убеждаются, что их помощь деревне должна быть реальнее и проще. Они организуют деревенский пионерский отряд и устанавливают с ним постоянную связь.

Книжка высмеивала ложную романтику в работе пионерских организаций, стремилась помочь ребятам «спуститься с облаков на землю» и увидеть здесь настоящую романтику жизни.

Это стремление характерно и для других книг Богданова о пионерах.

В повести «Три беглеца»³ он высмеивает ребят, которым наскучили повседневная жизнь и простые дела пионеров и которые решили отправиться на подпольную работу за границу.

«Партия слабодных ребят»⁴ (во втором издании «Партия свободных ребят») показывает путь деревенских детей от анархической «партии» с туманно-революционными целями к организации настоящего пионерского отряда.

Конечно, сейчас мы не можем полностью присоединиться к той высокой оценке, которую в то время давала рассказам Н. Богданова критика⁵. В его рассказах виден пионерский отряд, но нет отдельных пионеров с индивиду-

¹ Богданов Н. Пропавший лагерь. М.—Л., ГИЗ, 1925.

² Богданов Н. Семь бед. М., «Молодая гвардия», 1925.

³ Богданов Н. Три беглеца. М.—Л., ГИЗ, 1926.

⁴ Богданов Н. Партия свободных ребят. М., ГИЗ, 1927.

⁵ Мы имеем в виду статью М. Гершензона, напечатанную в журн. «Печать и революция», 1927, № 4.

альными характерами. Фигуры пионеров схематичны и нежизненны; взаимоотношения людей упрощены; язык персонажей страдает натурализмом и псевдонародностью.

Но всё же эти рассказы Н. Богданова о пионерах, несомненно, были заметным явлением в детской литературе тех лет и играли положительную роль в воспитании первого поколения пионеров, помогая им разобраться в наиболее актуальных проблемах пионерской работы. Гораздо хуже те рассказы, где автор в погоне за увлекательностью сюжета обращается к мало знакомому ему материалу, как в рассказах «На окраине» или «Шаланда». Здесь много надуманного, искусственного, неправдоподобного.

Жизни пионеров посвятил целый ряд рассказов и А. В. Кожевников, но они не выдерживают никакого сравнения с его полными жизненной правды рассказами о беспризорных. В рассказе А. В. Кожевникова «Аэроплан-звено»¹, так же как у Богданова, показаны городские пионеры, осуществляющие смычку с деревней, но это не живые ребята, а схематические фигурки, наделенные стандартным ассортиментом пионерских качеств. В рассказе «Неугомонный»² сирота-подкидыш, вернувшись на родину, вступает в единоборство со всей деревней и поучает взрослых, как «вгонять революцию».

Очень близок к пионерской теме и рассказ А. Кожевникова «Сам себе делегат»³. Героем этого рассказа является деревенский мальчик Афонька, который побрался на сельскохозяйственную выставку, а вернувшись, стал проводить в жизнь то, что там видел: сагитировал деревню сообщая выстроить мельницу, а затем и организовать коммуны.

Лев Гумилевский тоже написал в это время ряд рассказов из жизни деревенских пионеров. В рассказе «Некоторые случаи из жизни Гриньки»⁴ он повествует о том, как деревенский пионер выследил кулаков, собиравшихся убить селькора, как он заставил отца посеять пшеницу

¹ Кожевников А. В. Аэроплан-звено. М., «Молодая гвардия», 1925.

² Кожевников А. В. Неугомонный. М.—Л., ГИЗ, 1926.

³ Кожевников А. В. Сам себе делегат. М.—Л., ГИЗ, 1925.

⁴ Гумилевский Л. Некоторые случаи из жизни Гриньки. М., «Молодая гвардия», 1925.

раньше установленного стариками срока, благодаря чему повысил урожай, и как деревенские пионеры в одно лето перевернули всю жизнь деревни.

Этот рассказ Л. Гумилевского примечателен тем, что в нем впервые в детской литературе появляется советский учитель. Босой и оборванный, он пешком отправляется в город за семенами для школьного огорода, а весь урожай обращает на нужды школы.

Хотя явления, подобные тем, которые описываются во всех этих рассказах, имели место в реальной действительности, но показаны они были уж очень упрощенно и неправдоподобно. Нет в рассказах ни живых людей, ни подлинной жизни, ни борьбы.

О деревенском пионере идет речь и в рассказе П. Замойского «Озорник-шатуший»¹, где хулиган и озорник Фонька вдруг, как по мановению волшебного жезла, превращается в лучшего пионера. В этом рассказе ясно чувствуется, что П. Замойский, прекрасно знающий жизнь старой деревни и описавший ее в ряде хороших рассказов, таких, как «Деревенская быль», еще очень поверхностно познакомился с жизнью новой деревни.

Таким образом, основной темой пионерской литературы того времени, была работа пионеров в деревне. Жизнь городских пионеров-школьников в обычных условиях, зимой, в школе, не нашла в литературе никакого отражения, хотя в эти годы вопросу об учебе пионеров, их задаче овладевать знаниями пионерская организация уделяла много внимания.

Конечно, названными произведениями не исчерпывается пионерская тема в литературе для детей. Можно было бы назвать еще ряд подобных рассказов, но картина от этого не изменится.

Кроме рассказов, в это время выходило много пьес из жизни пионеров для самодеятельного театра, но среди них не было ни одного сколько-нибудь заметного литературного явления.

В советской поэзии для детей наблюдается интересная эволюция в самом разрешении пионерской темы. От абстрактных патетических славословий и дифирамбов «цветам жизни», «наследникам счастья», «солнцеловам», «кузнецам судьбы» и т. п. поэты переходят к отображе-

¹ З а м о й с к и й П. Озорник-шатуший. М.—Л., ГИЗ, 1926.

нию реальной жизни пионеров. В показе этой жизни медленно и с трудом, но все же изживается ложная романтика необычайных, головокружительных революционных подвигов пионеров в «мировом масштабе». Появляется стремление заменить ее отображением реальных повседневных дел пионеров, их труда и быта.

Характерно в этом отношении творчество А. Жарова. Его песни освобождаются от свойственной большинству из них в первые годы абстрактности и высокопарности. Вместо высказываемых устами пионеров деклараций:

Труд для нас родная мать.
Брат по труду и по крови брат,

или

Мы растем Октябрем и Маем
На расплавленных гребнях борьбы,

в таких песнях, как «В лагеря», «Песня котелка», «Фабзайчата», «Городки» появляются простые слова о жизни пионеров, их веселых походах, ночах у костра и мальчишеских играх.

Пламенем алым —
В небе заря...
Время настало
Шагать в лагерь! —

поется в одной из этих песен. Другая рассказывает о росистой траве и синем дымке костра и мечтах пионеров. Здесь нет еще индивидуального образа пионера, но дети, о которых говорится в этих песнях, — уже не выдуманные юные революционные деятели, а советские ребята, живущие своей веселой и интересной жизнью.

Все эти песни, печатавшиеся в журнале «Пионер» в 1924 и 1925 годах, вошли в изданный «Молодой гвардией» в 1925 году сборник «Здравствуй, жизнь!»¹

Отдельной книжкой были изданы годом позже и печатавшиеся в 1925 году в «Пионере» из номера в номер «Приключения Феди Рудакова»², очень характерная для этого времени книжка. Это первый в советской поэзии дружеский шарж на пионера. Жаров высмеивает очень распространенный в то время тип пионера, который мечтает о головокружительных подвигах на подпольной работе, а сам не выполняет самых элементарных обязан-

¹ Жаров А. Здравствуй, жизнь! М., «Молодая гвардия», 1925.

² Жаров А. Приключения Феди Рудакова. М., ГИЗ, 1925.

ностей пионера и даже еще не научился во-время и аккуратно приходить на сбор отряда.

С большим юмором поэт рассказывает, как Федя, опоздав на сборный пункт, откуда пионеры уезжали в лагерь, отправился догонять их сначала на буфере трамвая, потом пешком, как он потерял и кепку и узелок с едой, свалился в канаву, измазался в грязи и наконец, совершенно растерянный, беспомощный и усталый, заснул у дороги. И вот тут-то Феде приснился сон о подвигах и победах:

«Бей его! Держите!
В плен его! Вяжите!»
Федя наш не струсил,
Крикнул: — Ну-ка вдарь! —
И тяжелый камень
Взял двумя руками.
Р-раз! в фашиста бацнул...
Вдребезги фонарь!

Пионер умелым
Должен быть и смелым,
Точным и упорным
Должен быть всегда.
Федя взмахом быстрым
Знамя у фашиста
Выхватил в потемках
Ловко без труда.

Это удачная пародия на те бесчисленные стихи об авантюрных похождениях пионеров за границей, о которых мы говорили выше.

Таким образом, книжка Жарова была полезна вдвойне: она не только высмеивала бесплодных мечтателей, подобных Феде, но и делала смешными и дискредитировала в глазах ребят ту вредную авантюрную литературу, против распространения которой, как говорилось выше, боролась тогда пионерская организация.

Но если сравнительно легко было разоблачать ложную романтику авантюрных книг о пионерах, то значительно труднее было передать в стихах подлинную романтику повседневной жизни пионеров, показать романтику тех обыденных дел, которые они в действительности совершали.

В показе пионерской жизни поэты ограничивались чаще лишь романтикой внешних атрибутов.

Вся обстановка жизни пионеров была необычна и пол-

на романтики. Красные галстуки, барабаны, горны, флажки — все это тогда было ново и невиданно. Когда пионеры под звуки барабана с песнями шагали по улице, спеша куда-то по своим пионерским делам, они привлекали всеобщее внимание и возбуждали у «неорганизованных детей» желание «записаться в пионеры», а малышей заставляли мечтать поскорее вырасти и стать пионерами.

Атрибуты и законы юных пионеров были предметом их гордости. Даже запрет пить, курить, ругаться, даже соблюдение правил гигиены, не навязанные сверху под угрозой наказания, а принятые пионерами как добровольное обязательство, приобретали аромат необычайности. А с выездом в лагеря начиналась уж сплошная романтика.

Вся эта обстановка пионерской жизни очень скоро нашла отображение в поэзии для детей.

Идут пионеры по деревне маршем,
Деревенские дети за ними гурьбой.
Не только маленьким, даже старшим
Нравится громкий барабанный бой, —

писала А. Барто в своей книжке «Пионеры»¹. И именно желанием «маршировать с пионерами» мотивирует в этой книге мальчик Федя свое стремление стать пионером.

Николай Асеев так показывает мечты беспризорника Сеньки Свища стать юным ленинцем:

Занозой в глаза ему
Марш отряда.
Не курят, не пьют,
Не ругаются.
Такая жизнь —
Не жизнь, а отрада.
Живут они,
Как полагается².

Очень популярная пионерская песня тех лет «Журавель» воспевала правила гигиены:

Руки мыть
И ноги мыть
И сырой воды не пить.

Но больше всего в песнях, которые создавались в эти годы не только поэтами, а зачастую и самими пионерами, говорилось о кострах и палатках, о солнце и реке.

¹ Барто А. Пионеры. М., ГИЗ, 1926.

² Асеев Н. Сенька беспризорный. М.—Л., «Молодая гвардия», 1926.

Лучшими из песен Жарова были песни о лагере. О привольной и веселой жизни пионеров в лагере рассказывают и А. Барто в своей книжке «Пионеры» и Евгений Шварц в книге «Лагерь»¹.

В нарисованных ими картинах пионерской жизни основное место занимают купанье в реке и веселые игры. Это описывалось подробно и весело:

Митька прозван водолазом,
Снял штаны — и в воду разом,
Вынырнул как поплавок,
Режет речку поперек.
А за ним и весь отряд,
Брызги искрами летят.
В брызгах радуга мостом,
Речка вспенилась котлом².

У обоих поэтов подробно описано и утро в лагере. Затем у Шварца показана военная игра, у Барто — марш по деревне. Эти картинки пионерской жизни так же агитировали за вступление в отряды пионеров, как и маршировка по улицам с барабаном и знаменами.

Но главной задачей поэзии было все же не отображение веселья, а показ идейного содержания коммунистической организации детей, а это содержание составляли дела и поступки пионеров, «повседневная мужественная борьба со всякой эксплуатацией, темнотой, дикостью, неумелостью»³. Показ этих достойных пионера дел больше всего затруднял поэтов, которые в большинстве еще плохо знали пионерскую жизнь, воспринимая только внешнюю ее сторону.

Н. Асеев в поэме «Красношейка», тоже печатавшейся в «Новом Робинзоне»⁴, а затем изданной отдельной книжкой, поставив перед собой задачу показать героический поступок пионера, рассказывает, как пионер защищал свой галстук.

Но — позор для пионера
Сдать почетный знак,
Как бы близкая опасность
Ни была грозна, —

¹ Шварц Е. Лагерь. Л., ГИЗ, 1925.

² Там же.

³ Крупская Н. К. О журнале «Барабан». Журн. «На путях к новой школе», 1924, № 1.

⁴ Журн. «Новый Робинзон», 1925, № 1.

правильно заявляет его Васейка Дельнов. Но Асеев заставляет Васейку спасти свой галстук не от тех реальных врагов, с которыми приходилось сталкиваться пионерам в те годы, а от быка, разъяренного видом красного галстука. Это так надуманно и нелепо, что ни героизма, ни образа героя-пионера не получается, и сомнительным кажется утверждение автора, что

...рассказ о Красношейке
Много лет подряд
Будет помнить
И в напевах
Повторять отряд.

Елена Данько, пытаясь создать положительный образ пионера, в своей поэме «Настоящий пионер», впервые напечатанной в журнале «Новый Робинзон» в 1924 году¹, заставляет своего героя спасти во время наводнения маленького ребенка.

Подвиг пионера Пети показан с подкупающей простотой. Именно так, без всякой рисовки и позы, мог броситься мальчик спасать малыша, упавшего в воду. И теплое, уважительное отношение взрослых к мужественному мальчику тоже передано жизненно и просто. Но во всей поэме ни в обликах людей, ни в обстановке не было ни малейшей черточки современности.

В упоминавшемся уже выше стихотворении в поисках дел, достойных пионеров, А. Барто тоже заставляет их спасти ребенка, только не от наводнения, а от грозы, заставшей его в лесу.

Эпизод вполне правдоподобный и характеризующий пионеров с положительной стороны, но все же в достаточной мере случайный и не вскрывающий той сущности пионерской организации, о которой говорила Крупская.

Гораздо ближе подошел к теме Шварц все в той же книжке «Лагерь».

Не прогулка, не парад —
К мосту движется отряд.
Барабаны, бухай, бухай!
На войну идем с разрухой, —

говорит он от имени своих героев и рассказывает, как пионеры починили развалившийся мост и заслужили при-

¹ Журн. «Новый Робинзон», 1924, № 9.

знание некоего Степана, который до тех пор считал их бездельниками.

Ехал ельником Степан,
Слышал громкий барабан.
— Экие бездельники
Разгулялись в ельнике! —
А увидел ремонт,
Так и стал во фронт:
— Честь, мол, вам и слава,
Громкое ура вам!

И участие в борьбе с разрухой и завоевание этим путем популярности среди деревенского населения составляли именно сущность пионерской работы в те годы. Заслуга Шварца заключается в том, что он один из первых сумел хоть в какой-то мере показать эту сущность. Но и в этом стихотворении нет еще ни образов ребят, ни конкретного показа обстановки, в которой все это происходило.

В стихотворном рассказе А. Барто «Первое мая» тоже еще нет типических образов пионеров и лишь чуть-чуть намечены характеры, но обстоятельства их жизни и вся обстановка носят уже на себе отпечаток определенной эпохи. Барто удалось здесь показать некоторые типичные именно для того времени поступки и взаимоотношения людей. В стихотворении о том, как деревенские ребята поехали в Москву на праздник Первого мая, есть такие жизненные детали, как самодельное знамя, которое они шьют ночью накануне отъезда, и поездка «зайцем» за неимением денег.

Хорошо показан момент, когда начальник станции обнаруживает забравшихся в багажный вагон ребят и они в доказательство своих честных побуждений предъявляют знамя.

«Эй, гляди, да здесь их много! —
Говорит начальник строго. —
Отвечайте, раз попались...
Вы зачем сюда забрались?»
И в ответ ребята хором:
«Мы хотели ехать в город...

Мы на праздник... Вот и знамя,
Расшивали его сами». —
Васька смотрит вниз печально,
У Алешки хмурый вид.
Улыбнулся вдруг начальник:
«Ну уж лезьте», — говорит.

Живо показан и один из этих ребят, Макар, на демонстрации:

«Ур-р-ра-а», — разрываясь, кричит Макар.
От громкого крика кинуло в жар.
Все замолчали, а он орет...
«Что ты...» — Алешка заткнул ему рот.

Это правдивые сценки, верно передающие взаимоотношения людей, хотя по форме все это еще очень слабо, и даже рифмы и ритм оставляют желать очень многого.

Очень характерную бытовую сцену из жизни деревенского пионера рисует Иван Морозов в стихотворении «Бабка», помещенном в сборнике «Зрей, ячмень»¹.

Борьба за новый быт и за культуру в деревне была одной из основных задач, которые решались партией в этот период, и в решении этих задач немалую роль играли не только комсомольцы, но и пионеры, часто являвшиеся новаторами в труде и быту.

Именно такого юного новатора и борца за новую жизнь мы встречаем в стихотворении Ивана Морозова. Рисуя этого мальчика, читающего газету в покосившейся деревенской избе, где:

И паутина, и пыль по полкам,
И тараканы у потолка
Прижались к печи густым поселком,
И смотрит Ленин из уголка,

поэт противопоставляет его старухе-бабке, защищающей старое:

Лениво с печки встает старуха,
Зевая крестит беззубый рот,
Глядит на внука и ропщет глухо:
— Уйдет в коммуны, такой урод...

Какого прока ждать от мальчишки?
Пустое дело далось ему —
Сидит с газетой, читает книжки,
Такой отпетый у нас в дому.

О всяких сквернах болтает много,
Святую веру поносит вслух,
Пропавший малый! Забыл про бога —
Не ходит в церковь, нечистый дух...

И хотя мы не видим здесь не только барабана, но даже пионерского галстука, именно этот мальчик является

¹ «Зрей, ячмень». Стихи для детей. М.—Л., ГИЗ, 1925.

настоящим пионером, потому что он показан как участник борьбы нового против старого.

Так, медленно, шаг за шагом происходило становление пионерской темы в литературе для детей.

IX

Но подлинным родоначальником новой поэзии для детей явился Владимир Маяковский. Он первый со страстной партийностью заговорил с маленькими детьми языком поэзии о знакомых им явлениях советской действительности, помогая детям по-новому понять и осознать то, что они видели вокруг.

В 1925 году были изданы его первые произведения для детей: «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий», «Что такое хорошо и что такое плохо»; в 1925 году был написан и текст книжки-картинки «Гуляем», изданной в 1926 году.

О необходимости создать новую поэзию для детей Маяковский, как упоминалось выше, говорил еще в 1918 году. «Сказка о Пете толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» была, как известно, задумана Маяковским в 1923 году, указание о чем имеется в предисловии к сборнику стихов Маяковского «Вещи этого года»¹. Но именно в то время, когда требования к детской литературе были со всей четкостью сформулированы в решении XIII съезда РКП(б), он воплотил этот замысел в жизнь. Именно теперь он увидел и ощутил то, что считал основным условием творчества поэта: «наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением»².

В «Сказке о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий»³ Маяковский впервые в поэзии для детей создает образы типических представителей различных классов, обладающих чертами, характерными именно для данного класса, данной страны и эпохи.

¹ Маяковский В. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. II. М., Гослитиздат, 1939, стр. 507.

² Маяковский В. Как делать стихи. Полн. собр. соч., 1941, т. 10, стр. 217.

³ Маяковский В. Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий. М., «Московский рабочий», 1925.

«Петин папа» и «Симин папа», которых Маяковский противопоставляет друг другу в этой сказке, — это не просто «пролетарий» и «буржуй», а именно рабочий и буржуй времен нэпа.

Очень толстый,
 очень лысый
злее самой злющей крысы.
В лавке сластью торговал
даром сласти не давал.
Сам себе под вечер в дом
сто пакетов нес с трудом,
а за папой
 друг за другом
сто корзин несет прислуга.
Ест он,
 с Петею деля,
мармелад и кренделя.
Съест
 и ручкой маме машет:
— Положи еще, мамаша!

Характерная вообще для буржуа жадность сочетается в Петинем папе с некультурностью нувориша, знакомого детям того времени — нэпмана.

«Симин папа», «залихватский кузнец», обрисован такими чертами:

Папа — сильный,
 на заводе
с молотками дружбу водит.
Он в любую из минут
подымает пальцем пуд.
Папа явится под вечер,
поздоровавшись для встречи,
скажет маме:
 — Ну-ка, щи
нам с товарищем тащи!
Кашу съев
 да щи с краюшкой,
пьют чай цветастой кружкой.
.
Чай попив,
 во весь опор
Сима с папой
 мчат во двор.
Симин папа
 всех умнее,
все на свете он умеет.
Колесо нашел
 и рад —
сделал Симе самокат.

Это тоже, конечно, не западноевропейский рабочий и не русский дореволюционный. Об этом говорит и по-детски выраженная радость труда — «с молотками дружбу водит», — и детали быта, и товарищеские взаимоотношения мальчика с отцом. Вместе с тем Симин папа отличается и от советского рабочего более позднего времени, а тем более наших дней, материальным и культурным уровнем жизни.

Образы детей, созданные Маяковским в этой сказке, тоже обладают совершенно конкретными чертами своей классовой среды.

Рисуя противного, жадного Петю Буржуйчикова, Маяковский внушает детям не просто отрицательное отношение к жадности, как к неприятной, несимпатичной черте, а отвращение к ней, как к черте, чуждой советскому ребенку и характерной для представителей враждебного класса.

Маяковский в этой сказке для маленьких детей подходит к вопросам морали с той же непримиримой принципиальностью, что и в своих стихах для взрослого читателя. И в ней чувствуется та же страстная ненависть, то же беспредельное презрение к классовому врагу, «как к существу низшего типа» (Горький), которыми дышит вся его поэзия.

Положительный герой — «пролетарий» Сима выступает в сказке как храбрый защитник слабых, как борец за справедливость, и характерно, что именно эти качества делают Симу достойным быть принятым в октябрятскую звездочку.

Ведь как раз в момент, когда звери благодарят Симу — «защитника слабого и четверолапого», — появляется

четверка
из ребят
развеселых октябрат

и приглашает Симу быть пятым в их звездочке.

У Симы много всевозможных достоинств, но из всех этих достоинств Маяковский для концовки сказки отбирает только два: любовь к труду и борьбу против угнетателей слабых:

Полюбите, дети, труд —
как написано тут.
Защищайте
всех, кто слаб,
от буржуевых лап.

Следовательно, именно эти черты Маяковский считал наиболее важными типическими чертами, определяющими сущность советского ребенка — будущего коммуниста, именно им он придавал особенно важное значение.

«Нельзя работать вещь для функционирования в безвоздушном пространстве или, как это часто бывает с поэзией, в чересчур воздушном пространстве. Надо всегда иметь перед глазами аудиторию, к которой этот стих обращен», — писал Маяковский в статье «Как делать стихи» (1926) ¹.

Аудитория, к которой была обращена сказка Маяковского, сильно отличалась от всех аудиторий, с которыми ему до тех пор приходилось иметь дело.

Маяковский, опытный агитатор, отлично отдавал себе отчет в том, что к этой аудитории нужен совершенно особый подход.

Стремясь приблизиться к ней, Маяковский добивается максимальной четкости ритма и простоты структуры стиха.

Рифмы и в этой сказке оригинальны и неожиданны: ежу — буржуй, по-моему — с помоями, родители — отвратителен и т. п., но рифмы почти всегда парные и поэтому легко воспринимаются даже маленьким ребенком.

Рукопись сказки, сохранившаяся в бумагах Маяковского, в которой вычеркнуты и переделаны десятки строк, указывает на то, как упорно работал Маяковский над языком этой сказки, вычеркивая незнакомые и чуждые детскому лексикону слова, добиваясь простоты композиции и ясности образов.

Работая над своей первой сказкой для детей, Маяковский в поисках подхода к детской аудитории обращается к лучшим образцам классики и народного творчества для детей.

Влияние русского фольклора на сказку бесспорно. Но было бы совершенно неверно искать это влияние исключительно во внешних, формальных признаках. Внешне сказка Маяковского мало похожа на народную.

¹ Маяковский В. Полн. собр. соч., 1941, т. 10, стр. 243.

Сходство сказки Маяковского с народными сказками заключается прежде всего в том, что в ней показана борьба «добра» со «злом», причем и добро и зло воплощены в ярких, гиперболизированных типических образах, которые способствуют выявлению социальной сущности явлений действительности.

Сказка Маяковского, так же как народные сказки, страстно тенденциозна. Отношение автора к персонажам сказки, к их делам и поступкам не вызывает никаких сомнений. Любовь и ненависть, восхищение и презрение, восторг и негодование автора во всей полноте воспринимаются читателем и передаются ему.

В сказке Маяковского, так же как и в народных сказках, невероятность событий прекрасно сочетается с реалистическим отображением характеров людей и их быта.

И все эти характерные черты сказки, делающие ее не только излюбленным, но и наиболее действенным в воспитательном отношении жанром литературы для детей, Маяковский сумел использовать для воспитания в детях партийно-классового отношения к явлениям действительности. Традиционное противопоставление добра и зла в его сказке превращается в противопоставление двух борющихся классов.

Конкретность и реализм в показе характеров персонажей и деталей быта служат выявлению тех признаков, которые были типичны для «буржуя» и «пролетария» периода нэпа в СССР, учат детей не только опознавать классового врага, но и замечать в своей среде черты чуждого быта и поведения, являющиеся результатом сильных в то время мелкобуржуазных влияний, и бороться против этих явлений.

Разоблачить и высмеять в глазах детей классового врага в том его современном виде, в каком он мог встретиться детям в период нэпа, и противопоставить ему положительный образ советского человека, современного ребенка, научить детей узнавать врага и относиться к нему с отвращением и презрением, научить их принципиально, с классовых позиций, подходить к оценке людей и явлений окружающей жизни и таким образом оградить детей от чуждых влияний — вот та основная задача, которую решал Маяковский в своей сказке и в большинстве других своих произведений, адресованных детям.

«Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» вышла в свет в апреле 1925 года.

Сейчас же вслед за нею в мае того же года Маяковский сдал в издательство «Прибой» свою новую книгу для детей — «Что такое хорошо и что такое плохо», которая была издана в том же году. А месяц спустя он закончил работу над книжкой-картинкой «Гуляем», изданной в начале 1926 года. Обе эти книжки Маяковский построил в виде прямой беседы с детьми о том, что их окружает.

Маяковский был глубоко убежден, что советского ребенка, даже самого маленького, интересует широкий круг жизненных явлений и у него в связи с тем, что он видит вокруг, возникает множество вопросов, на которые надо отвечать всерьез и принципиально, по-партийному. Он знал, что такой серьезный, деловой ответ, данный языком поэтических образов, будет принят детьми с радостью, даже если он не облечен в сюжетную форму, так как удовлетворяет присущую каждому ребенку потребность знать и понимать.

В книге «Что такое хорошо и что такое плохо» речь идет исключительно о детях, их поступках и поведении.

На первый взгляд может показаться, что эта книжка Маяковского представляет собой произведение чисто дидактическое, где художественный образ подменяется правоучительными сентенциями, объясняющими детям, как им следует и как не следует поступать.

На самом деле это совсем не так. Маяковский строит свои выводы не на основе логических рассуждений и доказательств — он показывает маленьким читателям целую галерею их сверстников, показывает в действии. А затем горячо и прямо высказывает свое отношение к этим действиям, чертам и учит маленьких читателей принципиально подходить к оценке своих поступков и поступков своих сверстников. В этой книжке явления действительности оцениваются с партийных позиций и дети рассматриваются в ней как будущие граждане Советской страны.

Поэт все время помнит, что речь идет в книге о тех детях, которые должны вырасти

истыми
силачами-коммунистами,

и оценивает их поведение именно с этой точки зрения

Книжка-картинка «Гуляем» очень напоминает по форме «Что такое хорошо и что такое плохо», но круг явлений, рассматриваемых в этой книжке, гораздо шире.

Испробовав найденный им прием разговора с детьми на очень доступном детям материале, Маяковский здесь применяет этот прием для беседы с ними на политические темы. Недаром первоначальное название книги было: «Каждому Пете и каждому Васе рассказ о рабочем классе»¹. Хотя это первоначальное название книжки было заменено другим, но именно рассказ о рабочем классе и о других классах составлял ее содержание.

Этот большой и серьезный разговор с детьми Маяковский ведет на примерах, взятых из самой близкой, окружающей детей жизни. На это указывает и название книги «Гуляем» и начало ее:

Вот Ваня
 с няней.
Няня
 гуляет с Ваней.

Поэт сознательно ограничивает круг отображаемых явлений действительности лишь тем, что маленький ребенок может увидеть, гуляя с няней по улицам Москвы.

Ваня призван играть здесь ту же роль, которую позже выполняет Алеша Почемучка в книге Б. Житкова «Что я видел». Он является как бы фильтром, не пропускающим в книгу явлений, слишком сложных для маленького читателя. Но, учитывая как объективный закон ограниченность возрастных возможностей и возрастных интересов своего героя и его сверстника — читателя книги, Маяковский вместе с тем не превращает эту возрастную ограниченность в непреложный фатум.

Он знает и другие объективные законы развития ребенка, он знает, что возрастная ограниченность является величиной крайне изменчивой, подверженной сильным колебаниям в зависимости от социальной среды, исторической эпохи и сознательного воспитательного воздействия.

Поэтому Маяковский объясняет детям не все, что может случайно заинтересовать Ваню во время прогулки, а старается обратить их внимание на то, что может помочь

¹ Катанян. В. Маяковский. Литературная хроника. «Советский писатель», 1948, стр. 224 и 226.

детям усвоить понятие о классовой принадлежности людей и о социальной сущности явлений. Все основное внимание в книге он уделяет людям, и эти люди резко делятся на представителей старого, уходящего мира и нового, рождающегося, четко противопоставляемых друг другу.

Жанр коротких, лаконичных стихотворных подписей под картинками ничуть не мешает Маяковскому выразить то же безмерное презрение к представителям старого мира, которым была проникнута его «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий».

· Это — буржуй.
 На пузо глядь.
Его занятие —
 есть и гулять.
От жиру —
 как мяч тугой.
Любит,
 чтоб за него
 работал другой.
Он
 ничего не умеет,
И воробей
 его умнее.

Здесь буржуй показан прежде всего как тунеядец, взваливающий свою работу на других, и именно это качество вызывает презрение к нему.

Выполняемый человеком полезный труд и отношение человека к труду — вот на что указывает детям поэт как на основной признак, по которому можно судить о людях:

Рабочий — тот,
 кто работать охочий.
Все на свете
 сделано им.
Подрастешь —
 будь таким.

И как прямое предостережение детям против встречающихся им чуждых людей, которые могут подчинить их своему влиянию, звучит строфа:

Эта дама — чужая мама.
Ничего не делая,
сидит,
 от пудры белая.
Она — бездельница.
У этой дамы
 не язык,
 а мельница.

В образе этой «чужой мамы» мы легко узнаем тех носительниц обывательских нравов, против которых так яростно выступал Маяковский в своих сатирических стихах того времени. Это та же «дама», что и в стихотворении «О дряни», и Маяковский, показывая эту обывательницу детям, не считает нужным смягчить краски.

Это очень важно отметить. Ведь еще и в наши дни часто под сомнение ставится право детской литературы на изображение отрицательных типов взрослых людей из опасения, как бы это не подорвало в глазах ребенка авторитета всех взрослых людей вообще.

Маяковский не разделял этих опасений. Он считал лишь необходимым подчеркнуть, что дама, о которой идет речь, хотя и мама, то-есть взрослая, но мама *чужая* не только Ване, но и всем читателям книги.

Это слово «чужая» поэт поставил вполне обдуманно: в первоначальном варианте стихотворения было написано «плохая мама»¹.

В разобранных нами трех произведениях Маяковского для детей, относящихся к изучаемому нами периоду, с полной явственностью выступают уже все те черты, за которые мы так высоко ценим стихи Маяковского, адресованные детям.

Эти черты, присутствующие уже в первых произведениях Маяковского для детей, в дальнейшем всё развивающиеся, усиливающиеся, заставляют нас считать Маяковского не только зачинателем новой поэзии для детей, но и наряду с Горьким — основоположником социалистического реализма в советской детской литературе и основателем ее лучших традиций, продолжение которых мы находим в творчестве многих наших писателей, традиций, которые превратили нашу детскую литературу в мощное орудие коммунистического воспитания»

Х

В годы восстановительного периода советская литература для детей достигла значительных успехов.

Эти успехи были обусловлены мощными сдвигами, совершившимися в области культурного строительства, в

¹ Маяковский В. Полн. собр. соч., 1940, т. 5, стр. 743.

частности в области просвещения, искусства, литературы, органической частью которой является литература для детей. Эти успехи были обусловлены требованиями советской школы и пионерской организации, требованиями всей новой жизни, к участию в строительстве которой детская литература должна была готовить детей.

В детской литературе этих лет начинает находить отражение советская действительность. В тематике литературных произведений для детей все большее место занимают гражданская война, жизнь советских детей, причем в разрешении этой тематики наблюдается переход от авантюризма и развлекательства ко все более реалистическому, полному и правдивому отображению действительности. В детской литературе появляются первые реалистические образы советских людей, большевиков — участников гражданской войны, учителей жизни, людей труда — мастеров своего дела, образы советских детей.

В эти годы появляются страстные партийные стихи Маяковского, открывшие новый этап в развитии поэзии для детей.

Таковы были достижения литературы для детей в области овладения новой тематикой и новым жизненным материалом.

За овладение новой тематикой и за то, чтобы она заняла в детской литературе ведущее место, в соответствии с задачами коммунистического воспитания, советским писателям и деятелям детской литературы приходилось вести упорную борьбу.

Нужно было не только преодолеть сопротивление реакционных кругов педагогов и литераторов, не желавших признавать законности существования в детской литературе политической актуальной темы, но и спасти литературу для детей от множества приспособленцев, готовых писать на любую актуальную тему и опошлявших и дискредитировавших эти темы.

Большим препятствием на пути овладения актуальной тематикой являлось и отсутствие профессионального мастерства у многих молодых писателей, горячо преданных коммунизму и умеющих видеть ростки новой жизни.

В. Маяковский, характеризуя состояние советской поэзии в 1926 году, писал:

«Сейчас, на мой взгляд, печатается больше, чем пишется. Не сразу разберешь, где кончается поэзия и где

начинается ведомственный отчет, только на всякий случай зарифмованный.

Одна напечатанная ерунда создает еще у двух убеждение, что и они могут писать не хуже... Главная работа, главная борьба, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество»¹.

Эта характеристика полностью подходила и к литературе для детей.

Борьба за качество, борьба за поэтическое мастерство была важнейшей и первостепенной задачей в этот период.

Без овладения высоким мастерством не могла быть разрешена проблема формы, адекватной новому содержанию, и не мог быть создан полноценный художественный образ советского человека, нового, советского ребенка.

В бласти овладения мастерством в годы восстановительного периода тоже было сделано немало.

Борьба против изысканности и усложненности формы и игнорирования особенностей детского восприятия, собственных произведениям декадентов, большая работа по освоению традиций народного творчества, борьба против декаданса, за идейную содержательность и педагогическую действенность поэтических произведений для детей, за подлинное мастерство, за большую литературу для маленьких дали к этому времени заметные результаты.

Но писатели старой формации, даже иногда мастерски владевшие формой, еще в то время не успели понять и с достаточной четкостью осознать те грандиозные исторические перемены, которые произошли в жизни нашей страны. Многое в революционной действительности было для них слишком ново, непривычно, непонятно.

Поэтому вполне естественно, что они еще не в состоянии были отразить в своем поэтическом творчестве для детей становление новой жизни, создать образ советского человека и советского ребенка.

Соединение высокохудожественной формы с новым идейным содержанием — такова была задача, вставшая во весь рост перед советской литературой для детей к концу восстановительного периода.

К решению именно этой задачи призвала советских писателей партия в своей исторической резолюции «О поли-

¹ Катанян. В. Маяковский. Стр. 269.

тике партии в области художественной литературы», принятой 18 июня 1925 года и сыгравшей огромную роль в развитии советской литературы. Под знаком борьбы за осуществление этой задачи пошло развитие советской литературы для детей в последующие годы.

Появившаяся на свет в годы восстановительного периода большая литература для маленьких, новая по содержанию и форме, росла, развивалась и совершенствовалась, становясь все более верной и сильной союзницей советской педагогики в деле коммунистического воспитания детей.

Цена 2 р. 65 к.

Ком Лидия Федосеевна

СОВЕТСКАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА (1921—1925)

Ответственный редактор И. М. Резникова. Художественный редактор
Н. Г. Холодовская. Технический редактор Т. И. Добровольнова.
Корректоры Б. Л. Розенфельд и А. В. Ясиновская.

Сдано в набор 1/II 1955 г. Подписано к печати 7/VI 1955 г. Формат
84 X 108¹/₃₂ — 2,5 = 4,11 печ. л. (4,09 уч.-изд. л.). Тираж 10 000 экз.
А03249. Заказ № 156.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.